

СЕМЬЯ И. Е. РЕПИНА В ПИСЬМАХ Т. И. РЕПИНОЙ-ЯЗЕВОЙ

*Вступительная статья и комментарии И. А. Доронченкова
Публикация И. А. Доронченкова и И. А. Савкина*

Письма, составляющие основу публикации, принадлежат Татьяне Ильиничне Репиной (в замужестве Язевой, 1880—1957), младшей дочери известного художника. Они обращены к Лидии Николаевне Карсавиной (урожденной Кузнецовой, 1881—1961), жене философа Льва Платоновича Карсавина, с которой Татьяна Репина была дружна с детских лет. Л. Н. Кузнецова окончила Высшие женские курсы и преподавала русский язык в петербургской гимназии Витмер, а после революции — на рабфаке в Петрограде. В 1922 г. семья Л. П. Карсавина последовала за ним в вынужденную эмиграцию и жила в Германии, Франции и Литве.¹ Сохранился портрет Лидии Кузнецовой в эффектном маскарадном костюме, написанный Репиным в 1901 г. и показанный вскоре на Тридцатой Передвижной выставке, — «Дама с вороном» (Великобритания, частное собрание).

Сохранившаяся часть переписки относится, главным образом, к 1930—33 гг., когда семья Язевой покинула СССР и переехала в Финляндию — в Куоккалу, а затем обосновалась на юге Франции. Двадцать одно письмо 1930—31 гг. адресовано из Финляндии в парижский пригород Кламар, где в ту пору жили Карсавины, двенадцать писем 1931—33 гг. — из As Combalets в окрестностях Ажена (департамент Ло и Гаронна), одно письмо 1939 г. прислано в Каунас, куда в 1933 г. переехали Карсавины. Переписка была прервана войной.

В данной публикации представлены лишь тринадцать писем, наиболее ярко воссоздающих не только судьбу семьи Репина, но и драму той части русского общества, которая была обречена на эмиграцию. Девять из публикуемых писем относятся к финляндскому периоду эмиграции Язевых-Дьяконовых и характеризуют обстановку в усадьбе Репина накануне кончины художника и в последующие месяцы. Четыре письма рассказывают о первых месяцах жизни семьи во французской деревне.

* * *

¹ Л. П. Карсавин также был знаком с Репиным. Это помогло ему создать осязаемый и нетрадиционный образ художника, запомнившийся слушателям публичной лекции, прочитанной в Вильнюсе после освобождения города Советской Армией в 1944 г. См.: *Тунгусов Б. Апостол истины* — П 11. Публ. В. Ужкальниса//Вильнюс. 1989. № 9. С. 169—170.

Последние годы Репина — наименее изученный период его долгой жизни. Стареющий мастер (в 1914 г. ему исполнилось 70 лет) продолжал работать с поразительной энергией и последовательностью, несмотря на душевное одиночество и убывающие физические силы. В двадцатые годы им созданы не только многочисленные рисунки, портреты акварелью и маслом, но и крупные живописные композиции — «Утро Воскресения» (1922, Швеция, частное собрание), «Голгофа» (1925, Художественный музей. Принстон. Нью-Джерси) и др. Прежде, во второй половине XIX века, отчасти — в начале XX, Репин действительно отвечал вкусам значительной части русского общества, его взлеты и неудачи переживались публикой и художественным миром как успехи и утраты русского искусства в целом. Теперь же в сознании русских по обе стороны границы он жил все еще как создатель «Бурлаков» и «Запорожцев». Драма одинокого Репина последних лет была его собственной драмой.

Перед исследователями последнего периода жизни Репина стояли препятствия и политического характера. За патриарха русской живописи шла борьба различных сил. Естественно, что отрезанный от родины художник пристально следил за происходящим в России, где имя его попрежнему было окружено почетом, где в 1924—25 гг. прошли обширные ретроспективные выставки, посвященные его 80-летию. С середины 1920-х годов, когда воспроизводившая передвижнические приемы и провозгласившая верность традициям русского реализма Ассоциация художников революционной России (АХРР) обрела официальную поддержку, Репин, естественно, стал объектом пристального внимания официальных и полуофициальных кругов, диктовавших советскую художественную политику. Из числа художников, оказавшихся за рубежом, большее внимание уделялось, пожалуй, только Горькому. Например, летом 1926 г. Куоккалу посетила делегация руководителей АХРР (И. И. Бродский, А. В. Григорьев, Е. А. Кацман, П. А. Радимов). Несколько позднее Репин получил исходящее из высших политических сфер предложение вернуться в Россию.²

В то же время эмиграция продолжала числить художника в своих рядах: самый факт пребывания крупнейшего русского живописца, олицетворявшего демократические идеалы XIX столетия, за пределами Советской России приобретал для нее особую значительность. Высказывания Репина 1920-х гг. оставляли возможность для разноречивых толкований его позиции. Антиреволюционные его выступления получали огласку за рубежом и порою в России.³ Понятно, что в дальнейшем целый ряд высказываний художника и некоторые его произведения (например, «1918 год в Петрограде») в СССР оставались неизвестными.

Наконец, не в последнюю очередь исследователей позднего творчества Репина сдерживали и непростые взаимоотношения в семье художника, ставлявшие биографов тщательно подбирать слова — не только для того, чтобы привести образ Репина в соответствие с хрестоматийным жизнеописанием классика, но и во имя естественного чувства такта.

² См. письмо К. Е. Ворошилова И. Е. Репину от 27 октября 1926 г.: *Репин И. Избранные письма*: В 2 т. 1867—1930. Т. 2. М., 1969. С. 380. Ворошилов был «патроном» АХРР в советском руководстве. Можно предположить, что послание было инспирировано этой организацией, стремившейся опереться на авторитет Репина в борьбе за господство в художественной жизни страны.

³ См., напр.: Р. Я. [Якобсон Р. О.] Новое искусство на Западе (Письмо из Ревеля)//*Художественная жизнь*, 1920, № 3. С. 20. Якобсон излагает и цитирует публикацию: «Пролетарское искусство» (Из письма И. Е. Репина)//*Новая русская жизнь*. Гельсингфорс. 1920. 31 января. № 24. С. 2.

Последние годы художника ставят немало вопросов перед исследователями репинского наследия — прежде всего о судьбе многочисленных произведений, рассеянных по картинным галереям и частным коллекциям Европы и Америки.⁴ Главные картины Репина давно заняли достойное место в музеях России, но в Пенатах все еще хранилось множество полотен и листов графики, относящихся к различным периодам творчества художника — вплоть до самых ранних. Последнее десятилетие жизни Репина и первые годы после его смерти — время почти бесконтрольного распыления его наследия, ставшего главным источником средств к существованию семьи. Часть произведений продавалась на прижизненных выставках в Европе, Скандинавии, США, активная распродажа велась после раздела наследства, но существовали и другие каналы разбазаривания наследия, вызывавшего хищнический интерес нечистоплотных дельцов. Письма почти натуралистично показывают развитие этого процесса.

6 декабря 1917 г. Финляндия провозгласила независимость. Репин поначалу, очевидно, не воспринял это событие драматически. Он продолжал наведываться в Петроград, где в квартире на Карповке жили его дети, и не собирался отказываться от российского гражданства: «Я <...> думал, — писал он сыну в декабре 1917 г. — не следует принимать финского подданства. Все равно условия, может быть, и вовсе не изменятся. Но главное, как это не по-дружески с Русью — ведь она действительно в большом упадке, как-то совестно переходить в это время».⁵ Условия через несколько месяцев изменились радикально, но Репин так и не принял иностранного гражданства, что не мешало финскому обществу и администрации с почтением относиться к художнику. Между тем ход событий все более отдалял Репина от России. В Финляндии прошла скоротечная гражданская война, и после падения просоветского правительства граница с Россией в апреле 1918 года закрылась, а 15 мая Финляндия заявила о разрыве отношений с РСФСР.

По оценке В. Ф. Зеелера, к началу 1920-х годов в Финляндии скопилось до 15 тысяч русских беженцев, в том числе 11 тысяч в Выборгской губернии, «больше половины которых в сильной нужде».⁶ Художник по мере сил помогал попавшим в беду соотечественникам.

Репин жил в Пенатах почти безвыездно. Некогда многолюдная дачная местность мгновенно пришла в упадок: «<...> какая тоска видеть теперь Куоккала и Оллила: остаются только фундаменты от снесенных дач: частоколы растасканы, фруктовые деревья сломаны, торчат только трубы, еще не разобранные — их разберут».⁷

В усадьбе отца жила средняя дочь художника, Надежда (1874—1931), отличавшаяся странностями еще в ранней юности, впоследствии страдавшая душевным расстройством. Позже в Пенатах поселился племянник художника Илья Васильевич Репин с женой Елизаветой. Он служил в белой армии под командованием П. Н. Врангеля и попал в Финляндию

⁴ См., напр.: *Зильберштейн И. С.* Новонайденный и утраченный Репин//Художественное наследие. Репин. Т. 2. М., 1948; *Журавлева Е.* Рисунок Репина в Хельсинки//Художник, 1965, № 11; *Бродский И. А.* Новонайденные и малоизвестные произведения И. Е. Репина//Новое о Репине. Л., 1969. Русская живопись в собраниях Чехословакии. Сост. и автор текста В. Фяла. Л., 1974; и др.

⁵ *Репин И.* Избранные письма. Т. 2. С. 321.

⁶ *З(ее)ле)р Вл.* Путевые впечатления. VII. Ревель — Гельсингфорс — Выборг — Куоккала//Последние новости. Париж. 1923. 3 октября. № 1057. С. 2.

⁷ Письмо И. Е. Репина К. И. Чуковскому от 15(2) июля 1923 г.// *Репин И.* Избранные письма Т. 2. С. 340. В публикации ошибочно датировано 19 июля.

через Болгарию после эвакуации из Крыма. Дом по соседству принадлежал сыну Репина Юрию, жившему там с женой Прасковьей Андреевной и сыновьями Гаем и Дием. Отношения отца и сына, также занимавшегося живописью, были сложными. В России оставались старшая и младшая дочери — Вера (1872—1948) и Татьяна.

Вера, пережившая гражданскую войну в Петрограде, смогла выехать в Финляндию в 1922 г. М. А. Вербов, обитавший перед революцией в Пенатах в качестве «подмастерья», а затем поступивший в Академию художеств, сообщил 31 января 1922 г. своему учителю: «<...> Вере Ильиничне после очень долгих хлопот и просьб удалось получить разрешение на выезд к Вам, и через несколько дней у нее уже будет на руках заграничный паспорт».⁸ В марте В. И. Репина с помощью К. И. Чуковского оформила разрешение на въезд в Финляндию и вскоре выехала к отцу.⁹

Характер Веры наложил своеобразный отпечаток на жизнь в Пенатах. Скрашивая своей жизнерадостностью одиночество художника, она в то же время ревниво сопротивлялась всякому постороннему влиянию на Репина, бездарно использовала материальные возможности отца. Появление в Куоккале в 1930 г. сестры Татьяны с большим семейством Вера восприняла враждебно.¹⁰ Дурная репутация Веры, сложившаяся в жизнеописаниях Репина, подтверждается как недавно изданными дневниками Чуковского («тупа умом и сердцем, <...> и никакой души, даже в зародыше»),¹¹ так и публикуемыми ниже письмами сестры. Знаменательно совпадение независимо возникших ассоциаций, восходящих к образам Достоевского. Чуковский отметил в дневнике: «Юрий и Вера ... подпольны, озлобленные, темные, неудачливые люди...».¹² Т. И. Репина-Язева также неоднократно говорит о сгустившейся в семье атмосфере «карамазовщины».

В то же время репутация детей Репина как людей по преимуществу заурядных или психически ущербных явно искажает реальную картину семейных взаимоотношений, сводя подлинную драму семьи большого художника к «медицинской» патологии характеров. Следует прислушаться к горьким словам младшей дочери Репина, написанным ею после знакомства с книгой «Художественное наследство. Репин» (М.; Л., 1948—1949; под ред. И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна); «Конечно, в „их“ интересах было зачеркнуть всю папину семью так, — чтобы „они“ одни остались достойными наследниками Репина. <...> Правду сказать, не ожидала я в таком большом художественном труде Игоря Эммануиловича найти такие мизерные сообщения в характере каких-то „сплетен“!! Но ведь они „там“ подневольные... Велено было создать наследников Репина — «выродками», вот и старались наскрести со всех углов мусор на наши головы, чтобы до настоящих наследников не докопаться было. Чтобы их и вовсе можно было „изъять из оборота“. В результате от текста этих книг остается очень неприятный осадок, потому что о нашей (папиной) семье дается совершенно извращенное понятие».¹³

⁸ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее НБА РАХ), ф. 25, оп. 2, № 123, л. 1 об.

⁹ См.: Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 196—198.

¹⁰ См.: Карпинский И. М. После смерти Репина//Новое о Репине. С. 339.

¹¹ Чуковский К. Дневник. С. 196.

¹² Там же. С. 309.

¹³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 8 июня 1951 г.// Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Нью-Йорк. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

В Куоккале Репин провел три последних десятилетия жизни. Но Пенаты не были его единственной усадьбой. В мае 1892 г. художник приобрел небольшое имение Здравнево в окрестностях Витебска.¹⁴ В следующем году одноэтажный дом, доставшийся Репину вместе с садом, пахотной землей и лесом, был перестроен в соответствии со вкусом нового владельца. На берегу Двины поднялась причудливая зубчатая башня. Репин провел в имении несколько летних сезонов, работал над картинами «Дуэль» (1896—97, несколько вариантов), «Искушение Христа» (не сохранилась), но, пожалуй, наиболее ярким произведением, связанным с пребыванием в Здравневе, остался выполненный в первый приезд портрет дочери Веры — «Осенний букет» (1892, ГТГ). В имении жило многочисленное семейство художника, здесь скончался и был похоронен в ближнем селе его отец. Расставание Репина со Здравневым связывают с переменами в семейной жизни — союзом с Н. Б. Нордман и переездом в Куоккала.

В 1904 г. Репин в последний раз ненадолго приехал в Здравнево. В дальнейшем в имении жили его дети.

Татьяна Ильинична Репина, младшая дочь художника, единственная из сестер, вышла замуж и более других отдалилась от отцовского дома. Союз ее с военным инженером Николаем Геннадиевичем Язевым распался, однако Репин, очевидно, не осознавал этого или в старости не помнил о разводе дочери.¹⁵

После революции Т. И. Репина-Язева с дочерью Татьяной (в публикуемых письмах — Тася: 1902—1985) поселились в Здравнево и провели там почти тринадцать лет, вплоть до отъезда в Финляндию. Жизнь в белорусской деревне была спасением от петроградского голода. «Помещиков там не осталось ни одного хозяина, — писала Татьяна отцу в октябре 1918 года, — хотел и меня как бывшую владелицу удалить, но волостной крестьянский комитет вступился за меня: „Это, — говорят, — не помещица, а дочь Репина. Репин никогда помещиком не был, и с доходов земли не жил, а, наоборот, сам много приносил, с него и мы разжились, а сейчас они голодают, и она приехала сюда сама работать“. Так меня и не тронули. Тяговцы <то есть жители деревни Тяково. — И. Д.> все лето прямо трогательно относились ко мне; то один, то другой тащут булку хлеба или четверть молока, а то и прямо поджаренную „яешню“ на сале, даже сахару дарили, и все даром, ни за что ни копейки не брали; обижались, если к кому в гости не успевала зайти».¹⁶

В здравневском доме была открыта небольшая школа (в январе 1926 года — 35 детей), две комнаты остались за бывшими владельцами. В школе преподавали Т. И. Репина-Язева и ее дочь, вышедшая в январе 1921 г. замуж за Ивана Дмитриевича Дьяконова, сына священника села

¹⁴ О жизни и творчестве Репина в Здравневе см.: *Москвинов В. Н.* Репин в Здравневе//Новое о Репине. Л., 1969; *Кичина Е. М.* И. Е. Репин и Здравнево. В обретении и разлуке. Витебск, 1990; *Подлипский А. М.* Здравнево: здесь жил И. Е. Репин, Минск, 1990.

¹⁵ См.: Письмо И. Е. Репина Д. И. Яворницкому от 26 апреля 1925 г.// *Репин И.* Избранные письма. Т. 2. С. 360; *Менделеева А. И.* Из давних воспоминаний//Художественное наследство. Репин. Т. 2. С. 184. Официального развода, очевидно, не было. Во всяком случае, Т. И. Репина-Язева позднее отрицала его. Однако, уже перед революцией супруги некоторое время жили порознь.

¹⁶ Письмо Т. И. Репиной-Язевой И. Е. Репину от 22 октября 1918 г. (НБА РАХ ф. 25, оп. 2, № 415, л. 5—6).

Слобода. В 1918 г. И. Дьяконов окончил витебскую духовную семинарию и с середины 1920-х годов возглавлял школу.¹⁷

В Здравневе появились на свет дети Дьяконовых, правнуки Репина: Валентин, Кирилл, Галина, Роман. Младший, Иван, родился в Париже, на пути из Финляндии на юг Франции, где семья Язевых-Дьяконовых приобрела на деньги, вырученные от продажи доставшихся в наследство картин, небольшую ферму.

Переписку дочери Репина с обитателями Куоккалы трудно назвать оживленной. В Научно-библиографическом архиве Российской Академии художеств хранится 15 писем и открыток Язевой к отцу, Вере и Юрию Репиным 1924—29 г., а также одно письмо Т. Дьяконовой (25 сентября 1924 г.) матери, гостившей в это время в Пенатах с внуком Валей. Очевидно, не все письма дошли до адресата, не все сохранились в архиве. Об обстоятельствах переписки с Куоккалой дает представление запись в дневнике Чуковского: «От Репина письмо. Впрочем, только отрывок. Остальное поггло. Да и как не поггло, если он прямо пишет: „Кому ведать надлежит, следят за вашей перепиской: вы на счету интересных — еще бы!“»¹⁸

Ответные письма Репина не сохранились. Т. И. Репина-Язева вспоминала в 1935 г.: «Перед обыском мне пришлось сжечь все папины письма, потому что почти в каждом из них было негодование по адресу Советской России. Как сейчас помню, стояла я перед пылающей нашей русской печкой, где варилась картошка, и смотрела на невозвратно поглощаемую огнем целую пачку писем с родным, знакомым тонким почерком... Сколько любви, сколько заботы о нас... Сколько метких, ярких выражений. Папины письма всегда бывали так живы, как может быть жива только непосредственная речь. И все обратилось в пепел!»¹⁹

Дошедшие до нас письма из Здравнева выдержаны в одном ключе. Они замкнуты на текущей жизни — здоровье членов семьи, милых эпизодах с детьми, хозяйственных хлопотах. Тревога, впрочем, тоже не оставляет семью: «30 июля утром в 8 ч (асов) Бог дал Тасе дочку <...> Тася молодцом, и до последнего дня помогала с работами в поле; гребла сено, и таскала огромные снопы, и стирала сама, и купалась. <...> До самого дня рождения малютки у нас стояли невероятные жары <...>. Покос и рожь, рожь сняли в один день машиной, но вязать стоги — снопищи, их ставить в бабки! ... Это было адски трудно. <...> Последние возы ввезли уже с первым начинающимся дождем <...>. Еще нам большая радость — главная: кажется, выселение нас миновало! Уже пришли повестки о выселении последней очереди, и нам нет!! <...> Эх, папуля родной, мы все живы, благодаря тебе».²⁰

Постоянной заботой был дом, предназначенный для дачной жизни и теперь эксплуатируемый круглый год: «<...> помню сырости [в доме] запаха мокрой гнили. Ведь дом нижний еще строен Софьей Аксентьевной,²¹ и, главное, деревянные дома никогда нельзя штукатурить внутри. Снаружи он обшит и обшивка еще целая, но если ее приподнять, то там

¹⁷ См.: *Кичина Е. М.* Указ. соч. С. 18 и далее; *Подлипский А. М.* Указ. соч. С. 55—56.

¹⁸ *Чуковский К.* Дневник. С. 397. Запись от 4 марта 1927 года.

¹⁹ *Репина-Язева Т. И.* О последних днях И. Е. Репина (1935). Рук. копись/Библиотека Редких книг и рукописей Колумбийского ун-та. Нью-Йорк. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

²⁰ Письмо Т. И. Репиной-Язевой И. Е. Репину от 2 августа 1925 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 16—16 об.). В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК от 20 марта 1925 г. семья Язевых-Дьяконовых подлежала выселению как «бывшие помещики». См.: *Кичина Е. М.* Указ. соч. С. 21.

²¹ С. А. Яцкевич — прежняя владелица Здравнева.

труха и с подвала в щели пола тоже несет». ²² Постоянная нехватка средств тормозила строительство нового дома. Часть денег прислал Репин: «Мы все втроем думаем (<...>) что можно продать? Но все гроши. Жалование же Ваню так мало, что его и на прожить не хватает. Ведь масса везомозжных обязательных платежей. Сократить наши расходы тоже больше уж невозможно, так как мы во всем себе отказываем. (<...>) Я не могу всего написать» ²³.

Несмотря на нелегкую жизнь, в 1924 г. Т. И. Репиной-Язевой удалось съездить к отцу с внуком Валею и провести в Пенатах около пяти месяцев — до середины февраля 1925 г. Если верить М. А. Вербову, вопрос о поездке решался в верхах: «(<...>) почти нет человека (<...>) который не знал, не любил и не гордился бы Вами (<...>)! — писал он Репину. — Но ведь даже в провинциях — в Витебске, в Минске — Татьяна Ильинична это Вам подтвердит — мне достаточно было сказать „для дочери художника Репина“ — и все, что возможно было, исполнялось в кратчайший срок. С каким вниманием к Вам относятся представители правительства, Вы можете судить хотя бы по тому, с какой быстротой Татьяна Ильинична приехала к Вам. Мне достаточно было показать Ваше письмо ко мне, где Вы пишете о желании видеть Тат(ьяну) Ильиничну, Ф. Э. Дзержинскому, и он дал немедленное телеграфное распоряжение о скорейшей и беспрепятственной выдаче паспорта дочери Репина. Т(атьяна) И(льинична) помнит, что мы затратили на получение паспорта в Минске всего 2 1/2 часа!» ²⁴ Поездка, однако, не обошлась без мелких, но характерных осложнений: «Тетрадь со стихами Вашей внучки после просмотра передана там же на б. Царскосельском вокзале начальнику станции, и он переслал ее ко мне в Москву. Если будет возможно, перешло ее к Вам, если же нет, то отошлю обратно автору в Здравнево». ²⁵

Больше поездок не было: «Как хотела бы я снова повидать всех! — писала Т. И. Язева сестре в феврале 1928 г. — И показать папе всех его правнуков. Но теперь проезд стоит слишком дорого». ²⁶ Однако в августе 1930 г. вся многочисленная семья Язевых-Дьяконовых переехала к Репину в Куоккалу. Долгое время в литературе, посвященной Репину, обстоятельства эмиграции описывались по необходимости бегло и невнятно, а причиной отъезда называлось только желание смертельно больного художника проститься с родными. На фоне недомолвок расцветали сусальные версии: «В конце 1929 года по-сельскому тихую и размеренную жизнь нарушило тревожное письмо Веры Ильиничны: по просьбе отца она сообщила о его болезни и просила сестру переехать к ним на постоянное место жительства. Учебный год в школе был в самом разгаре, замену учителю найти невозможно, бросить большую семью Татьяна Ильинична не могла, ибо на ней лежали все заботы о детях и внуках. Решили ждать окончания занятий. Весной 1930 года, раздав нехитрый домашний скарб, Т. И. Язева со всей семьей выехала в Куоккалу». ²⁷

²² Письмо Т. И. Репиной-Язевой Ю. И. Репину от 30 мая 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1157, л. 4).

²³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. И. Репиной от 31 марта 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 803, л. 6).

²⁴ Письмо М. А. Вербова И. Е. Репину от 14 октября 1924 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 123, л. 8—8 об.). В беседе с автором вступительной статьи 7 февраля 1994 г. в Нью-Йорке М. А. Вербов подтвердил, что он лично обращался к Дзержинскому за разрешением на выезд Т. И. Репиной-Язевой с внуком и получил его после встречи с ним на Лубянке.

²⁵ Там же, л. 10 об.

²⁶ Письмо Т. И. Репиной-Язевой Евгении Николаевне для В. И. Репиной от 9 февраля 1928 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1189, л. 2).

²⁷ Подлинский А. М. Указ. соч. С. 57.

Если что и могло в это время нарушить размеренную сельскую жизнь, то прежде всего развернутая по всей стране коллективизация и связанный с ней беспощадный террор. Нависшая опасность расправы послужила непосредственным толчком к отъезду, можно сказать, бегству из страны. Уже в Финляндии, ходатайствуя о помощи русских организаций в оформлении документов для переезда во Францию, Т. И. Репина-Язева писала: «Только благодаря многим папиным знакомым, находящимся еще там и знавшим о безнадежном состоянии его здоровья, после многих отказов, нам удалось, наконец, получить разрешение на выезд». ²⁸ Между тем к рубежу 1920—30-х гг. эмиграция из СССР сократилась до минимума и была сопряжена с большими трудностями. Поэтому представляет интерес восстановленный в деталях самый процесс выезда родных Репина за границу.

Угроза преследования стала вновь ощутимой к концу 1929 г. 15 декабря Вера Репина сообщала в Ленинград давнему другу семьи, племяннице известного скульптора Марка Матвеевича Антокольского Елене Павловне Тархановой-Антокольской (1868—1932): «Две недели тому назад Таня прислала тревожное письмо, что их записали в кулаки, взяли индивидуальный налог, и им необходимо уехать к нам, в Финляндию. Папа послал им письмо с просьбой присхать, с желанием их видеть, и мы не имеем ответа». ²⁹

Тревожные известия пришли не только в Куоккалу, но и в Клармар. Л. И. Карсавина писала Вере: «От Тани, когда получаю <письма. — И. Д.>, все плачу и потом обсуждаю с дочерьми, как бы помочь. Наводила справки. Таня спрашивала, где и как можно ли устроиться. У нас можно, можно и в Ковно, да ведь не выпустят их! Мы думаем переехать в Ковно, но не знаем еще когда, м<ожет> б<ыть> года через 2. <...> Лев Пл<атонович> имел раньше дело и здесь, отчего мы и переехали из Берлина в Париж, а теперь дело прекратилось и на 2 дома жить дорого». ³⁰

Очевидно, в декабре стали разворачиваться хлопоты о выезде «здравневцев». Тарханова-Антокольская успокаивала семью художника: «Посоветуюсь со знающими и опытными людьми, напишу и в Москву — и там ведь есть друзья из семьи незабвенного и дорогого нам всем Владимира Васильевича». ³¹ Переезд намечался на весну нового года. ³²

Но 20 февраля в Куоккалу через Ригу пришло письмо Т. И. Репиной-Язевой:

«Папуля, дорогой, пишу вам из латвийского консульства, они переправят это письмо не почтой, и потому я могу написать все открыто. Герман Андреевич Пунга — латвийский консул здесь в Витебске — сейчас

²⁸ Письмо Т. И. Репиной-Язевой секретарю Особого комитета по делам русских в Финляндии барону Б. Н. Гревеницу. Не датировано. Черновик (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1188, л. 1).

²⁹ Письмо В. И. Репиной Е. П. Тархановой-Антокольской от 15 декабря 1929 г. (Сектор рукописей Государственного Русского музея, ф. 124, № 8, л. 1 об. — 2).

³⁰ Письмо Л. Н. Карсавиной В. И. Репиной от 24 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 716, л. 4—4 об.).

³¹ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской В. И. Репиной от 24 декабря 1929 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 839). Имеется в виду художественный и музыкальный критик Владимир Васильевич Стасов (1824—1906).

³² См. письмо И. Е. Репина Е. П. Тархановой-Антокольской от 31 декабря 1929 г. (СР ГРМ, ф. 124, 17, л. 10 об.). Приписка рукой В. И. Репиной.

так поддержал меня, обещал уведомить вас. Он знает Черткова³³ — в Москве, и был у тебя в Пенатах давно. Я плачу от счастья, что нашла защиту.

Папуля, Веруня, хлопочите о нашем переезде. И ничего не пишите нам по почте. За каждое глупое неосторожное слово нам грозит опасность вплоть до расстрела. Вдруг все имущество наше описали вплоть до рубашки, даже детские одежки. На днях будет конфискация и выселение нас. А дней 5 назад мне принесли повестку, чтобы я возила лес. Я поехала в Сельсов(ет) заявить, чтобы они взяли мою лошадь, но что сама я не в силах возить. Они спросили мою фамилию. Обыскали карманы и попросили пройти в комнату, кот(орую) заперли на ключ. И там я сидела до ночи, а в это время они поехали в Здравнево с обыском, искали серебра. Нашли 3 серебряных ложечки, взяли и ломаный брелок! Затем они уехали на нашей лошади, а Тася пешком побежала за ними с узелком еды для меня. Был трескучий мороз. Она чуть дошла. И вст тогда они меня выпустили, велев расписаться, что я никуда не выеду до опроса в ГПУ. Я решила съездить в Вит(ебск) и обратиться в Латвийское консульство (финляндск(ого) здесь нет). И вот не верю счастью человеческого обращения. Хлопочите о нас всех. Ваня вычеркнут из Союза и из учителей. Хотя все население за него. Все наши мытарства за то, что мы в прошлом году держали прислугу, хотя Ваня как служащий имел право на это, но нас обложили индивидуально, и вот волчий паспорт, и кругом просто стон. Гонение началось вдруг, никто не ожидал такого быстрого конца. Петра Семеновича Куринского³⁴ расстреляли, продержав в тюрьме. Всего не опишешь. Молимся Богу о спасении. Ваша Таня».³⁵

Это послание сопровождалось письмом латвийского консула. Напомнив о своем посещении Пенат в 1909 г., Г. Пунга предложил помощь в переписке Куоккалы и Здравнева и обещал свою поддержку: «Не беспокойтесь за Ваших, буду держать с ними связь. Напишу также В. Г. Черткову и Ольге Констан(антиновне) Толстой³⁶ в Москву, чтобы они содействовали в получении права выезда к Вам Вашей дочери и Ваших правнуков, так как у них имеется там сильная рука».³⁷

Несмотря на внезапность разразившегося «гонения», чувство опасности и прежде не покидало семью. Уже гораздо позднее, рассказывая о том, как внуки привыкают к жизни во Франции, Татьяна Репина-Язева писала: «Но по силам своим (дети) даже на воздухе быстро утомляются. Потому что сорваны они еще в Сов(етской) России постоянным недоеданием и нервными потрясениями. Когда при появлении каждого нового лица, они, дрожа, спрашивали: «Папу в тюрьму?» И когда у нас были

³³ Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — издатель и публицист, близкий к Л. Н. Толстому, знакомый И. Е. Репина. Позировал для фигуры Христа в картине «Искушение» (конец 1890-х гг., не сохранилась).

³⁴ Очевидно, речь идет о местном священнике. Ср.: «Неожиданно приехал сейчас из Витебска сын Петра Сем(еновича) (отца Петра) Ваня Куринский и привез мне посылку от Танечки к моим именинам» (письмо В. И. Репиной И. Е. Репину от 28 сентября 1921 г. — НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 424, л. 36 об. — 37).

³⁵ НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 30—31 об. Датируется по почтовому штемпелю Куоккалы 20 февраля 1930 г.

³⁶ Толстая Ольга Константиновна (рожд. Дитерихс; 1872—1951) — младшая сестра жены В. Г. Черткова Анны Константиновны, первая жена Андрея Львовича Толстого (1877—1916).

³⁷ Письмо Г. Пунги И. Е. Репину от 15 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 403, л. 1 об.).

уже заполнены анкеты для выселения в Сибирь, и все до одетой рубашки было занесено в опись, Кира и Валя нашли старую географическую карту и по ней составляли дорогу из Сибири к дедушке». ³⁸

Уже 23 февраля о событиях в Здравнево стало известно в Ленинграде ³⁹ и в Париже. 24 февраля Л. Н. Карсавина, встревоженная отсутствием писем из Белоруссии, выслала Вере Репиной вырезку из парижской газеты «Возрождение» с заметкой «Месть большевиков Репину». Лидия Николаевна успокаивала себя тем, что «Возрождение» часто дает неверные сведения (...)». ⁴⁰ Но новости были очень тревожными. Вот как события в белорусской деревне предстали в изложении парижского издания: «По словам приехавшей из России дамы, большевики решили отомстить И. Репину, категорически отказавшемуся вернуться в пределы СССР. По телеграмме из Витебской губернии была арестована дочь Репина, 60-летняя старуха, работавшая на крестьянском наделе, выделенном ей из конфискованных у художника земельных владений. Дочь И. Репина была отправлена в тюрьму, где и находилась в течение нескольких дней. Когда она была освобождена, то выяснилось, что все находившиеся в ее домике картины ее знаменитого отца украдены, мебель изломана и даже разбита на куски печь, так что дом оказался совершенно непригоден для жилья, и престарелая женщина была буквально выброшена на улицу». ⁴¹

Между тем начались хлопоты о выезде семьи Язевых-Дьяконовых к отцу, и появление подобной заметки могло помешать им, спровоцировав власти на дальнейшие репрессии. Именно так расценил парижскую публикацию, перепечатанную рижской газетой «Сегодня», Г. К. Гегер ⁴², стремившийся помочь эмиграции родных Репина через Латвию: «Меня крайне неприятно поразила заметка в газ(ете) „Сегодня“ от сего числа, которую прилагаю. *Месть!* (...) А если большевики московские теперь пожелают показать действительную месть, что тогда? (...) Я переговорил сейчас с полпредом Свидерским ⁴³ и сказал ему, что в деле появления этой заметки Пенаты и Здравнево ни при чем... Полпред заявил, что это он хорошо понимает, что все там произошло на почве «коллективизации», но что этакие заметки все же могут произвести в Москве „впечатление“...». ⁴⁴ Длу нейтрализации этого «впечатления» Гегер предложил Репину обратиться с письмом к Свидерскому, в расчете на то, что оно станет известно в московских правительственных кругах.

³⁸ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 30 июля 1934 г.// Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив. Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8.

³⁹ См.: Письмо В. И. Репиной Е. П. Тархановой-Антокольской от 20 февраля 1930 г. (СР ГРМ, ф. 124, № 8, л. 3—4). Почтовый штемпель Ленинграда 23 февраля 1930 г.

⁴⁰ Письмо Л. Н. Карсавиной В. И. Репиной от 24 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 716, л. 3).

⁴¹ Возрождение. Париж, 1930. 23 февраля. № 1727. С. 2.

⁴² Гегер (псевд.: Нелюбин) Георгий Карлович (1880—?) — литератор, автор ряда работ о жизни и творчестве К. Р. (вел. кн. К. К. Романова), статей об И. Е. Репине. Несколько раз посещал Пенаты. В 1930 г. — редактор журнала «Балтийский филателист» (Рига). На рубеже 1920—30-х гг. выступал в качестве комиссионера при продаже произведений Репина в Латвии. В архиве художника сохранилось анонимное письмо, предупреждавшее о нечистоплотности Гегера.

⁴³ Свидерский Алексей Иванович (1878—1933) — советский партийный и государственный деятель. В 1928 г. — начальник Главискусства, с 1929 г. — полпред СССР в Латвии.

⁴⁴ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 27 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 682, л. 7 об. — 7а).

Г. К. Гегер подробно рассказывал жителям Пенат о своих усилиях: «Я сделал в Риге все, что *смог*, и, во всяком случае, больше, чем я сначала надеялся. <...> Такие дела надо было начинать за 6 месяцев, а не тогда, когда крыша уже загорелась над головой.

Но Бог милосерд, и все устроится: что их *оттуда* ни с каким «*имуществом*» не выпустят, а выпустят почти голыми — в этом я никогда не сомневался. Мы это видели с менонитами-немцами! Жизнь дороже всего, и дело идет не о деньгах, а о спасении душ уже.

Все здесь в один голос — а я переведал за две недели массу «власть имущих лиц» и «ходатаев-пролаз», всюду утверждали, что дело сейчас — во время новых гонений и возврата такого воинствующего большевизма, какого еще никогда не было за все 12 лет, — очень трудное, почти невозможное.

Но помог счастливый случай и знакомство с полпредом Свидерским <...> С(видерский) большой поклонник папы Вашего и дал многие ценные указания, как действовать. <...> Полпред указал о *временном* выезде: «Конечно, нечего им делать больше, когда все отнято, и обратно семья не вернется, но писать все-таки надо именно так, „для отвода глаз“. Говорит — как будто и не большевик... Ну да, знаем мы „их“, но пришлось лично „поклониться“». ⁴⁵

Гегеру удалось выхлопотать не транзитную латвийскую визу, действовавшую лишь при получении визы финляндской, что существенно отдало отъезд из СССР, где каждый день жизни, казалось, таил для семьи Язевых-Дьяконовых угрозу, а визу на въезд в Латвию. Согласие латвийских властей удалось получить. «<...> но какая гарантия, что они — эти 7 чел(овек) не останутся здесь? На этот случай просящие визу должны внести очень крупный залог — по 500 латов (около \$ 100 — америк(анских)) за человека. Таких денег нет, конечно, и вот вчера искал — *поручителей*. Составили особый акт о поручительстве, что Ваши 7 душ не останутся в Латвии дольше 4 суток, и сегодня в Министерстве его подписали я и член Латв(ийского) сейма д-р В. Зандерс и др. <...> Теперь весь вопрос состоит в том, — получить *русский* загр(аничный) паспорт». ⁴⁶

В Советском Союзе главным ходатаем выступала, судя по всему, Е. П. Тарханова-Антокольская. Уже 27 февраля она писала Репину: «У Вас тут есть искренние почитатели, которые обещали все возможное предпринять». ⁴⁷ Желая успокоить хозяина Пенатов, Тарханова подробно сообщала о своих шагах по вызволению «здравневцев»: «Я решила, наконец, попросить совета и содействия по делу Танечки у академика Карпинского ⁴⁸, который отнесся к этому с деятельной сердечностью. Вчера вечером мне телефонировали, что он виделся и говорил с А. В. Луначарским, который как раз приехал сюда на заседания Президиума и Сессии в Академ(ии) наук. Сегодня раненько утром я была у Александра Петровича Карпинского, где дочь его Евгения Александровна любезно напечатала на машинке заявление от моего имени с изложением дела, и я прямо оттуда к 9 ч(асам) поехала к Анатолию Васильевичу Луначарскому, дабы застать его до начала сессии. Была счастлива, что он меня принял, озна-

⁴⁵ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 26 февраля 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 682, л. 4—6).

⁴⁶ Письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 27 февраля 1930 г. (там же, л. 7).

⁴⁷ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 27 февраля 1930 г. (там же, № 494, л. 41).

⁴⁸ А. П. Карпинский (1864—1936) — президент Академии наук СССР. Его внучатый племянник художник Игорь Михайлович Карпинский (1901—?) жил в Финляндии. Воспоминания И. М. Карпинского см.: Новое о Репине. С. 277—281, 339—343.

комился с подробностями дела по полученным мною письмам и не только обещал свое содействие, но на мой вопрос, могу ли я написать об этом Илье Ефимовичу, ответил: «Напишите Илье Ефимовичу, что я взялся все урегулировать». И тут же при мне распорядился, куда положить эту бумажку, дабы он мог *завтра же* передать ее... тому-то. <...> Между прочим, я сказала, что Вы написали в Москву тт. Калинин и Менжинскому, но ответа пока еще не получили». ⁴⁹

Репин решил написать портреты Карпинского и Луначарского. Он увлекся этой идеей со свойственной ему способностью полностью отдаваться творческому замыслу. По просьбе художника Тарханова прислала фотографии Карпинского. Но уже в конце марта Репин с горечью признал: «<...> вся моя храбрость — написать столь ответственные портреты едва ли может быть реализована: все меньше и меньше сил». ⁵⁰

Между тем хлопоты затягивались, а угроза сохранялась. 21 марта Т. И. Репина-Язева писала родным: «Дорогие, дорогие папуля и Веруня, и <?> мне удалось получить 800 р(ублей). Паспорта же могут стоить 900 р(ублей). Но об этом сейчас говорить не приходится: хлопоты о нашем выезде пока не имеют никакого успеха. Тов. Литвинов ⁵¹ в Москве ходатайствовать об этом не имеет права, т(ак) к(ак) в его ведении только вьезд иностранцев. Зависит же все от *Внутренних Органов* — ГПУ Москвы и Минска. Об этом одновременно пишу Гегеру в Ригу. Советовали действовать по линии *Коминтерн(а)*, т(о) е(сть), если бы просить там знакомого коммуниста оказать содействие папиной просьбе о выезде нашей семьи на временное свидание с ним.

Индивидуальный налог с нас еще не снят, и мы можем попасть в третью очередь выселения в Сибирь. Совсем теряем надежду. Веруня, хлопочи по возможности. Не согласится ли Президент Финл(яндии) оказать содействие заявлением в ГПУ г. Москвы и г. Минска о пропуске нашей семьи к Вам. Целую Вас. Ваша Таня» ⁵²

26 марта Гегер сообщил в Пенаты новости, задержка которых была вызвана отсутствием дикрурбера в латвийском консульстве: «За время лежания письма в Витебске произошло изменение к лучшему: *после 21 марта* написал Витебскому Окр(ужному) Совету *Калинин* — предложив пересмотреть постановление Сельсовета Николаевского относительно индивид(уального) обложения и т. д.». ⁵³ Весьма резко прокомментировав отказ вставшего, как ему казалось, на формальную точку зрения Литвинова помочь ходатайству, Гегер счел, что находившийся в Москве Сви-дерский все же продолжит хлопоты, и предложил вступить в переговоры с другим потенциальным заступником: «<...> *переговорить* на словах он может с кем хочет из любого ведомства, а не только из Наркоминдела. И как я научился знать Сви-дерского, то уже из самолюбия, раз он взялся хлопотать, он похлопочет и дальше: все же надо помнить, что он при большевиках птица немалая. <...>

В каких Вы *сейчас* отношениях с Горьким? Если не перессорились — он persona gratissima — в — Г. П. У., мало что он „вспел“ Феликс Дзер-жинского, а я о нем тиснул в немецкой прессе статью как о „Двуликом

⁴⁹ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 2 марта 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 494, л. 42).

⁵⁰ Письмо И. Е. Репина Е. П. Тархановой-Антокольской (март 1930 г.) // *Репин И.* Письма. Т. 2. С. 411.

⁵¹ Литвинов (Валлах) Максим Максимович (1876—1951) — дипломат и государственный деятель. В 1930 г. заместитель Народного комиссара и Народный комиссар иностранных дел.

⁵² НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 2—3.

⁵³ Письмо Г. К. Гегера И. Е. Репину от 26 апреля 1930 г. (там же, № 152, л. 22 об.).

Янусе“ в Сорренто. . . Ничего все это не значит и в случае чего я обращусь к нему в Сорренто. . . Вам ему если писать *нельзя*, „с души воротит“, — то и не пишите, — все сделаю я. Это, так сказать, к слову, если это понадобится бы вообще». ⁵⁴

Но помощь Горького, похоже, не потребовалась. В середине апреля, насколько можно судить по известным письмам, в Москве вступил в действие один из друзей, принадлежавших к семье «незавенного Владимира Васильевича». 14 апреля Тарханова-Антокольская обратилась с письмом к Елене Дмитриевне Стасовой (1873—1966), племяннице известного критика, члену РСДРП с 1898 года. С 1927 года она была председателем ЦК МОПР СССР и заместителем председателя Исполкома МОПР (Международной организации помощи борцам революции). ⁵⁵ Стасова привела в действие партийные связи, что не замедлило сказаться на положении Язевых-Дьяконовых. Председатель СНК Белоруссии Н. М. Голодод сообщал Елене Дмитриевне в Москву: «В отношении же Репиной-Язевой тоже вопрос решен в положительной форме, они остались на месте. По этому вопросу мне тоже говорил Климентий Ефремович Ворошилов. Я собирался об этом Вам доложить по приезде на 16-й съезд, что и сделаю, когда приеду < . . . >». ⁵⁶

Перелом в развитии событий наступил в конце апреля — начале мая. «Вы, конечно, уже давно знаете от Танички, что у них все благополучно, что индивидуальное обложение снято, что они оставлены у себя, им все вернули и т. д. < . . . >, — писала Тарханова в Пенаты. — Я собственно ничего не сделала сама, а только будила спящих, стучалась во все двери, расталкивала чересчур занятых. . . И надо отдать им справедливость: везде и всегда находила для Вас горячий отклик, везде находила Ваших глубоких неизменных почитателей, ценителей, искренних друзей. < . . . > Сердечно отнеслась к нашему делу и больше всех сделала Елена Дмитриевна, т(а)к что после нее хлопотать уже было не о чем пока. < . . . > Когда-нибудь лично расскажу все подробно — это любопытно. И сколько интересных людей я видела за это время!» ⁵⁷

Угроза депортации рассеялась, но выезд из страны встречал постоянные препятствия. В конце мая местные власти отказали Язевым-Дьяконовым в эмиграции. Г. Пунга посоветовал Т. Дьяконовой съездить в Москву: «23го мая в Окружном было сообщено о том, что пришло решение на ходатайство о выезде. На вопрос: разрешено или нет?, ответили: „ни то, ни другое, выяснится 24го мая“». Дали понять, что окончательное решение сделает местная власть. 24го же мая — вернули бумаги с отка-

⁵⁴ Там же, л. 23.

⁵⁵ См.: Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской Е. Д. Стасовой от 14 апреля 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 538). Значительно позднее Е. Д. Стасова вспоминала: «Личные мои отношения с Ильей Ефимовичем были дружеские. Работая заведующей техникой Петербургского комитета партии, я не раз обращалась к Репину за материальной помощью. В число моих обязанностей входили и финансы. Деньги были нужны для так называемого политического Красного Креста, то есть для оказания помощи политическим заключенным или ссыльным. Никогда Илья Ефимович не отказывал мне» (Новое о Репине. С. 137—138). Следует отметить, что, поддерживая различные политические акции левого толка, Репин, как правило, участвовал в них не деньгами, а предоставляя рисунки, эскизы обложек сборников и т. п.

⁵⁶ Письмо Н. М. Голододу Е. Д. Стасовой от 20 июня 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 536, л. 1—1 об.). Письмо на бланке ЦК КП(б) Белоруссии.

⁵⁷ Письмо Е. П. Тархановой-Антокольской И. Е. Репину от 14 мая 1930 г. (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 494, л. 46—47).

зом. Ясно, что местное „Г.П.У.“ находит неудобным выпустить Вашу семью, а московские власти, не будучи против разрешения на выезд, все же категорически на этом не настояли. Поэтому надо еще раз обратиться к центральной власти. Это тем более необходимо, что на днях местный сельсовет постановил восстановить членов Вашей семьи в правах, т(о) е(сть) вернуть право голоса и они теперь уже не «лишенцы» и им теперь уже не угрожает высылка из Белоруссии». ⁵⁸ В Москве Т. Дьяконова снова прибегла к поддержке Стасовой. ⁵⁹ Можно предположить, что и в этом случае влияние высокого партийного функционера сыграло важную роль. Как позволяют утверждать известные нам документы, на этом этапе к судьбе семьи Язевых-Дьяконовых оказалась причастной Е. П. Пешкова (ср. письмо № 1 в настоящей публикации): «На заявление, поданное Тасей в Москве 2 июня тов. Калинину ответа нет. Вероятно, вследствие съезда. Такое занятое время! Пишу сегодня Ек. П. Пешк(овой) мою горячую просьбу помочь исполнить папино последнее желание, повидаться с семьей нашей». ⁶⁰

Выехать родным Репина в Финляндию удалось лишь в августе 1930 года через пограничные станции Белоостров—Раййоки на советско-финской границе под Ленинградом. ⁶¹ 7 августа они прибыли в Куоккалу.

Однако перед отъездом дочери художника пришлось пережить унижение особенно тягостное. Откликаясь на широковещательное признание Репина в СССР в середине 1930-х гг., она сетовала: «Они любят из умерших лепить себе игрушки»⁶²; «Это теперь, когда папа для них уже безвреден. А давно ли, когда я была в Третьяковской галерее и предлагала им купить папин автопортрет (мне нужны были деньги для заграничного паспорта), они предложили мне 200 рублей (<...>) и сказали при этом: „Нам нужны новые, молодые художники, а Репина нам довольно, уже и так вынесена часть в подвалы!“ Теперь же этот портрет стоит на мольберте, украшенный цветами! Видел бы это папа, отбрил бы он их». ⁶³ Спустя пятнадцать лет Татьяна, познакомившись с двухтомником «Художественного наследства», в частности, заметила: «А знаете ли, что я сейчас прочла — оказывается, что мой „семейный портрет“ (большой холст) —

⁵⁸ Письмо Г. Пунги И. Е. Репину от 26 мая — 8 июня 1930 г. (там же, № 403, л. 2—2 об.).

⁵⁹ См. рекомендательное письмо Е. П. Тархановой-Антокольской Е. Д. Стасовой от 31 мая 1930 г. (ГТГ, ф. 4, № 539). Опубликовано: *Кичина Е. М.* Ук. соч. С. 22.

⁶⁰ Письмо Т. И. Репиной-Язевой Е. П. Тархановой-Антокольской от 19 июля 1930 г. (СР ГРМ, ф. 124, № 9, л. 3—3 об.). Ср. упоминание Е. П. Пешковой в сходном контексте (письмо от 21 июня 1930 г. — там же, л. 5—5 об.), а также в письме к В. Ф. Зеелеру от 17—21 мая 1946 года и в рукописи «О последних днях И. Е. Репина» (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁶¹ См. телеграмму от 7 августа 1930 г. о выезде из Ленинграда на финскую границу (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 415, л. 35). В апреле 1930 г. Гегер предлагал следующий маршрут: Витебск—Зилупе—Рига—Таллинн—Хельсинки (см. письмо Г. К. Гегера В. И. Репиной от 10 апреля 1930 г. — там же, № 682, л. 8).

⁶² Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 2 октября 1936 г. (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета. Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁶³ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 23 мая 1936 г. (там же).

который я сама, лично в 30ом году отвезла в Москву и сдала в *Третьяковскую Галерею* — теперь... — в Америке!?! Вот так музей!»⁶⁴

Естественно, что в СССР история вызволения родных Репина не получила огласки. Однако после смерти художника, последовавшей 30 сентября 1930 года, Е. П. Тарханова-Антокольская подготовила статью, в которой постаралась отвести от покойного обвинения в «эмиграции» и придать гласности факт отъезда Язевых-Дьяконовых, специфически расставив акценты этой истории: «(...) к счастью (...) для самого Ильи Ефимовича, прежде всего для его семьи и для всех нас — нашему незабвенному, так дорогому, нашему великому соотечественнику еще „суждено было“ и великое утешение: его заветное, его последнее страстное желание было исполнено... И. Е. Репин дождал до приезда своей дочери, внуков и правнучат, не только повидал их, но жил еще почти два месяца, окруженный их любовью и заботливым уходом и — умер, успокоенный на руках тех, кого он любил так, кого так хотел иметь возле себя.

Это ли не утешение.

Когда в Белоруссии дочерью Репина была получена телеграмма из Куоккала о грозном состоянии здоровья отца, она обратилась со срочным ходатайством в Москву, и ей немедленно было разрешено поехать со всей семьей к нему.

Велика же была их радость и благодарность родине за этот акт сочувствия и великодушия.

До последней минуты, до последнего вздоха Ильи Ефимович Репин жил родиной и для родины; он радовался ее радостями и печалился ее печалью (...). И не его вина, что он оказался за рубежом нашей страны (...). Но Репин наш, принадлежит нам и прах его должен покониться на его великой родине. (...) Об этом стоит подумать действительно».⁶⁵

Мытарства, нищета и гибель отмеченных творческим даром эмигрантов из России неизбежно романтизируются, оборачиваются привлекательной и исполненной скорбного обаяния легендой. Семья Язевых-Дьяконовых, практически лишенная, в отличие от других потомков Репина, артистических амбиций, не была причастна ни к советской, ни к эмигрантской окологуманитарной среде, и потому не имеет шансов войти в легенду русского зарубежья. Она чудом вырвалась из белорусской деревни накануне депортации в Сибирь, провела год в угасающем финляндском приграничье и несколько недель в окрестностях Парижа, чтобы затем кануть во французской провинции. Причастность к художнику, чье имя оберегало родных и в голодный год, и в дни террора, а наследство позволило снова обзавестись скудным имуществом, в данном случае выделяет судьбу семьи Язевых—Дьяконовых, но не сообщает ей исключительности. Выделяет, в частности, для того, чтобы дать слово эмигранту из числа обыкновенных, трудно живших русских людей, плавивших за все полную меру сил и страданий и, в сущности, ничего не желавших, кроме покоя, дома, семьи.

* * *

⁶⁴ Письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 8 июня 1951 г. (там же). Имеется в виду «Семейный портрет Т. И. Репиной с мужем Н. Г. Язевым» (1905).

⁶⁵ Тарханова Е. П. Репин (По последним письмам ко мне). Машинопись (СР ГРМ, ф. 124, № 10, л. 3—4). Подпись: «Скульптор Елена Тарханова». Датировано: 30 сентября 1930 г. Фрагмент о «немедленном» разрешении почти буквально повторен в комментариях к изданию: Репин И. Е. Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову/ Под общ. ред. К. И. Чуковского. Вступит. ст. и примеч. И. А. Бродского и Я. Д. Лещинского. Л.: М., 1937. С. 98.

Письма Т. И. Репиной-Язевой были переданы Сусанной Львовной Карсавиной при посредничестве И. А. Савкина академику Д. С. Лихачеву и в 1991 году приобретены Рукописным отделом Пушкинского Дома (Р. I, оп. 12, № 716).

Исследования в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета (Нью-Йорк) проведены И. А. Доронченковым благодаря поддержке The Getty Grant Program (Санта-Моника, Калифорния).

Мы благодарим за консультации и помощь в работе заведующую научным отделом Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» Елену Владимировну Кириллину и старшего научного сотрудника Галину Исааковну Прибульскую, коллектив Научно-библиографического архива Российской Академии Художеств, а также хранителя Бахметевского архива Эллен Скаруффи.

В публикации исключены повторы, а также незначительные подробности повседневной семейной жизни и медицинские сведения, ввиду их узкоспециального значения.

Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами.

1

31 авг(уста) <19>30 г.

Дорогая моя Лидочка, вчера получила твое первое письмо, а сегодня второе. В обоих письмах ты пишешь именно то, об чем болит наша голова: все подробности о правах жизни. Об нас вот что могу сказать. Чудом, ради папирного имени, спаслись мы из Сов<етской> Рос<сии>; ведь если б еще день задержались там, то нас уже не только не выпустили бы, но сослали бы в Сибирь, в поездах смерти, так как об этом уже был поднят вопрос в Витебск<ом> РИКе. С собой нам не позволили взять *ни копейки*. Багаж — также, только самое необходимое из одежды. Но мы готовы были ехать и в одних рубашках, только бы спастись от этого ужаса смерти над головой. Между тем здесь мы застали папу в таком состоянии, что он, увидя и сразу узнав, расцвел в улыбку и, целуя мне руку, уже засыпал, не слыша и не сознавая, что говорю я. Сейчас же очнется, спросит: «Как молодая гвардия — детишки?» и ответа опять уже не слышит, глаза тускнеют, голова опускается на стол — он спит, крепко спит. Ноги как гири, налиты водой. Но он старается быть со всеми, и всегда за общим столом. (<...>) Вера его старается веселить, и подкладывает ему на тарелку всего понемножку, все на одну тарелку. Ест он сам и роняет и обливается изо рта, вытираясь бумажными салфеточками, едва держа вилку, но всегда сам. Писать пером абсолютно не может, даже подписать. Вера за едой — с ним, а так не сидит, и часто он совсем один клюет носом, сидя в креслице

за круглым столом, а я издали, со двора в раскрытые двери только вижу его: мы отделены как заразные¹. Иногда, когда улучаю время, переодеваюсь и иду к нему, он всегда обрадуется и спросит, как дети, как здоровье. Вера всегда при параде и при наряде, а на голове — ужас, просто как какие-то красные перья да еще с пестрой повязкой. Первое время просто не знала, куда глаза девать, так безобразно, теперь как-то не замечаю. Она все еще не без амуров и, как большею частью, предмет ее ей же на гибель. Молодой сосед, видно, Ник. Ив., да еще и в квадрате.² Он ежедневно приходит к ней, что ли, на уроки англ(ийского) яз(ыка)... И, видно, сторожит свое дельце. Вообще меня ужас забирает при виде его. Я думаю, он немалую роль сыграет после папиной смерти. Да и сейчас, наверное, рыльце в пуху. Он в связи с сестрой жены Леви,³ (кот(орый) торгует папиными картинами). Но с Верой говорить об этом бесполезно. Ей ловко отведены глаза на Илюшу с Лизой. Вообще, насколько я успела присмотреться, тут ведется так же политика — не хуже советской. Как там травят город на деревню, а деревню на город, чтобы, пока они лбами стучаются, незаметным образом все выкачать из России. Так и тут всю родню стравили, а сами ручки потирают. Как бы то ни было, но денег нет. Картин... Едва, едва. Альбомы все повывранны. Долгов больших нет, но в лавки за месяц и за два не плачено и на налоги нет ни гроша, и даже свечку в церковь не на что купить. Но к чаю бывает и шоколад. Каждый день сытные обеды и ужины и пр(очее), и массажистка к Вере каждый день ходит. Словом, все по-Вериному. Папа был счастлив, когда от случайной продажи Вера положила ему в карман 200 марок. Но увы... Их кто-то вытащил. Леви сейчас ездит с 34-мя картинами папы по разн(ым) городам. Но пока продажи нет. У нас от ликвидации Здравнева (в 2 дня) было 5¹/₂ тыс(яч) руб(лей). Мы старались закупить вещей, но купили только две мехов(ые) шубы и Ване 1 костюм — больше не было ничего ни в Москве, ни в Питере, и за все переезды, оплаты паспортов и пр(очее) и пр(очее). Осталось у нас там 1¹/₂ тыс(ячи) руб(лей) и некот(орые) вещи по родным. Пытаемся эти 1¹/₂ тыс(ячи) переправить сюда нелегалн(ым) путем. Но, верно, окажется кроха. Рубль — 3 марки. Вот и все наши трудовые за 13 лет мозолей. На днях нам их привезут. Под них мы уже одолжили через Илюшу для доктора 150 марок. За визит берет 100 м(арок). А скарлатина настоящая и с осложнениями. (...)

Все это происходит в малюсеньких 2-х комнатах: по площади бóльшая 3 метра на 4, а меньшая 3 м(етра) на 1¹/₂, в бóльшей посредине громадная плита. Накрыли мы ее скатертью.

и она служит столом с холмообразным верхом из-за пляшущих комфорок. В застенке Таси с Ваней кровать хуже каменной. К окну диван турецкий, на нем поперек дети спали, теперь я с Кирой, вдоль плиты лавка Валяше. Рома между дверей в Диевой люльке Юриной работы, но она низенькая, совсем на $1\frac{1}{2}$ четверти от пола, и стенки в упор голове и ногам. Галя сейчас с Тасей спит в малюсенькой комнатке, где была я. Там пружинный матрас на дровах. Подушек у нас на всех — 3. (Больше боялись везти, и так узлы были большие). На подушках спят Валя, Кира и Галя. У Ромы какой-то здесь нашелся валичек из перьев, как кол. У Таси с Ваней чей-то здешний (верно, кухарский от старых времен) матрасик, сложенный пополам — вид подушки (вроде, как у Иакова в пустыне). Я же люблю низко голову и потому вовсе без подушки. Так. Теперь вообрази все это в атмосфере тропиков, где все выделяет из себя влагу... Раза 2—3 удается нам просвежить. Для этого надо всем детям плюс один взрослый вмяться в малюсенькую комнату и закрыть в нее дверь. Пока рядом, где плита, делаем сквозняк. Затем все в эту, а там открываем. Да. В общем, живем в scarlatinном экстракте. Причем у Вани в детстве scarl<атины> не было. Но он отделяться не хочет, чтобы помогать, и правда, без него с мальчиками сладу нет. (...) Очень трудно выбрать время написать. Только ночью, как сейчас. Когда все спят. Пишу на плите, и ноги сводит от бокового положения. Да. Но все же мы счастливы. Счастливы, что на воле. Что не висит каждый день над головой бич с неведомым ударом. Паспорта у нас есть самые законные, так как Пешкова⁴ поручилась, что мы только навестим папу. Но Ваня снялся с учета там, а здесь, конечно, не регистрировался, так что если обратно, то ему расстрел. Боже, Боже! Неужели нас вышвырнут обратно, как советских граждан! Мороз по коже. Понимаешь ли, какой громадный интерес для нас твои письма и все сообщения. Пока у нас scarлатина и пока папа жив, мы будем оставаться здесь. И потому совершенно неизвестно, когда мы уедем. Не раньше, как месяца $1\frac{1}{2}$, а может и через год?.. Илюша говорил, что у папы завещание написано так: Дом государству.⁵ Движимое (кроме нескольких картин, надписанных для Веры) — все на 4 части. Но Вера говорила не так давно: Юра напился и, придя, кричал — «все мое». Надю надо будет в санаторию, а это страшно дорого, но, может, удастся на казен<ный> счет. И над Верой, верно, взвьется флаг ее кавалера. Не знаю. Останется ли что на мою долю? Потом ленсман⁶ спрашивал Веру, на какие средства мы думаем здесь жить? И я не знаю, что она ему ответила. Я вижу ее очень редко, и гово-

ритель с ней очень трудно: она все об каких-то сплетнях, или подозрения на Илюшу или возмущения на Юру. Ну, ладно. Словом, вот наше положение здесь. Да, еще! Приезжал на днях из Сов(етской) Р(оссии) Гинсбург проведать папу (якобы), на деле же, верно, имел инструкции. Повел мягкую речь, что он нас с детства так любит, что положение у нас материально-острое, что он может хлопотать нам всем 4-м пенсию рублей по полтора ста. Если мы пожертвуем всю коллекцию рисунков. Мы сказали, что ведь в Сов(етской) Р(оссии) денег нет, что там даже жалованье нечем платить (при нас за последние 2 мес(яца) учителям жалованья не было вовсе). Он сказал: «Ну что там учителя! Это особый вопрос. А когда надо крикнуть на всю Европу, у них миллионы бросаются. И пенсия вам была бы именно криком в Европу. Конечно, я не обещаю и говорю это, любя вас. И конечно, если вы жертвуете рисунки...!!» Мы сказали: «Живая жертва налицо — сам папа. В таком состоянии без гроша денег, даже на лечение нет. Довольно уже его грабили там. Весь капитал — почти 200 тысяч руб(лей) трудовых на краю могилы не могли вернуть! А сколько увезли Бродский и К^о». ⁷ «Ах, Бродский обманщик!» — «Однако этот обманщик преспокойно живет в шелках и мебели красного дерева, в роскоши, хотя первая комната ужасна с какими-то железными кроватями и сундуками (Тася была у него). Да, он свободен, а мы, за то, что папа пропечатал их в газете, ⁸ как преступники, обреченные на ссылку». — «Ну как угодно, как угодно». С тем и уехал. Разумеется, никакой пенсии они и не подумали бы нам дать, прикарманя коллекцию рисунков. О, как это хорошо нам знакомо. ⁹ Итак, может быть, у нас и будут какие-нибудь деньги на дорогу и первые дни, но рассчитывать на них трудно. Боюсь, чтоб и Финляндия после смерти папы не указала бы нам Бог да порог все на том же основании, как и все государства боятся оставлять у себя лишних претендентов на заработки хлеба. Примет ли нас Франция? ?? ... Мне каждое твое слово понятно и ясно, и я не обескураживаюсь, но призадумываюсь... А ты сама надолго останешься во Франции? Ведь ты писала, что переедете все в Ковно. На что же мне тогда Франция??! Нет, конечно, ты права, что везде трудно и, пожалуй, легче всего во Фр(анции), а надо же где-либо жить людям без родины. Но неужели тебя там не будет?? ... Теперь самое главное: на какие работы мы способны? Я уж и не знаю, на что я пригодна, разве судомоем. Это я бы могла. Тася имеет большие способности к разрисовыванию кукол и моды, пожалуй, могла бы выпечать и панно разные и вообще штучки из обрезков и бумажные. А может и вышивать, хотя это хуже для нее дается.

Ваня же не знаю на что? Он и сам не знает. Ему какую работу ни дай, он будет добросовестно ее отрабатывать, сколько ни навали, он на все молча согласится, но специальности у него нет никакой. Учитель — землероб. По положению хотел бы лучше всего рабочим на фабрику, собственности мы боимся, как огня, но, может, наоборот, у вас страшнее положение рабочего? На фабрике же все же — здоровье его неважное, т(о) е(сть) он здоров, а на вид даже цветущего здоровья, наследственно слабая грудь и горло, так что если какая-нибудь табачная фабрика или у пылающей печи, он бы не выдержал по силам. Понятно ли тебе? Но он не так уж слаб, мог бы для начала и это взять. Вот здесь он себя очень <1 нрзб.> чувствует не у дел. И находит печаль — годен ли он на что? Вчера ходил мрачный, говорит: «Все думаю, на что же я пригоден?» Ну, так ведь горшки-то не Боги лепят. Вообще же он смекалистый и трудолюбивый. Главная отрада у нас и наболевший насущный вопрос — детей в школу. По годам, как ты пишешь, все, кроме Ромы, пойдут. Валяше 8 лет. Он уже перерос, но он ничего не знает. Дома все не до них было, а в школе белорусский яз(ык). Так хотелось бы скорее его в общество детей. Именно его, он бесхарактерный и очень восприимчивый, а потому за него страшней всего. Квартирой <?> же мы никакой не боимся, живем и здесь, а уже буквально, как в вагоне, да еще потолок низкий, а подполье сгнило и рядом за стеной ванна, для Веры 2 раза в нед(елью) топят. Буквально дышать нечем, а раскрыть окна нельзя, страшная тяга, а дети больны. Хотя бы страхи скарлатины миновали! Бедная Тася совсем измучилась. Сегодня я ходила к папе (переодевшись). Он сегодня очень ослабел. Отек руки левой — кисть сильно налилась и лицо отекло, а ноги, как колоды, и он все терпит, только во сне стонет и бредит. А чуть спросишь: «Тебе трудно?» — улыбнется, махнет рукой: «Нет, нет». Папуля! Он такой тихий, такой терпеливый! Как раз обратно прежним привычкам. Ну вот все о нас. Ясна ли тебе картина? Можно ли надеяться на визу??? Хотелось бы написать еще много-много о тебе, о детях твоих. Я так люблю твой письма! Ты вся в них, моя любимая Лида. А Суся-то <2 нрзб>!!!¹⁰ Наши стали такие страшные. Крепко целуем всех вас.

Приписки:

У нас скарлатина, сожги письмо и вымой руки.

В СССР письма *все* доходили, но с каждого снимался дубликат в ГПУ.

- ¹ В черновике воспоминаний о последних днях жизни отца В. И. Репина написала: «Приезд сестры с детьми застал папу вечером, но все же он лег спать и сказал, что он решил выспаться, а утром вышел к ним на балкон (...). Так длилось несколько дней, потом дети заболели скарлатиной и папа их не видел. Он спрашивал — а что же дети? — ах, я забыл?» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 1, № 1995, л. 4 об.). В опубликованном тексте о семье сестры говорилось одной фразой: «Волнения о приезде сестры с детьми из России, писавшей, что им грозит ссылка в Сибирь, не давали папе покоя» (*Репина В.* Последние дни моего отца. (Из воспоминаний дочери великого художника)//Сегодня. Рига. 1930. 20 октября).
- ² Речь идет о близком друге В. И. Репиной В. Максимове.
- ³ Левн Василий Филиппович (1878—1953) — юрист, художник-дилетант. В 1916 г. оставил практику, переехал из Петрограда в Терюки. В 1918 г. познакомился с Репиным, когда по совету И. И. Бродского привез ему свои любительские живописные опыты. В дальнейшем выступал вместе с И. Е. и Ю. И. Репиными, занимался организацией выставок и продажей произведений И. Е. Репина.
- ⁴ Пешкова (урожд. Волжина) Екатерина Павловна (1878—1965) — первая жена М. Горького; в 1920—30-е гг. руководитель «Политического Красного Креста» и Организации по защите политзаключенных. Об участии ее в выезде за границу Язевых-Дьяконовых упоминает Л. А. Шевцова-Споре в воспоминаниях о Репине (Новое о Репине. Л., 1969. С. 152).
- ⁵ По завещанию владелицы Пенат Н. Б. Нордман после смерти Репина усадьба должна была перейти во владение Академии художеств, с тем чтобы в ней был устроен мемориальный музей. (См.: *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 145—146).
- ⁶ Должностное лицо финской администрации.
- ⁷ Бродский Исаак Израилевич (1884—1939) — живописец, ученик Репина; с декабря 1923 г. член АХРР. Имеется в виду визит делегации АХРР в Пенаты 30 июня 1926 г. Ахрровцы увезли в Россию ряд эскизов на историко-революционные темы, а также портрет А. Ф. Керенского (Москва, Музей революции).
- ⁸ Русская зарубежная печать неоднократно сообщала об отказах художника переселиться в СССР или хотя бы посетить его, а также предавала гласности антибольшевистские высказывания Репина. См., напр.: Сегодня (Рига), 1929, 4 августа, № 214; Возрождение (Париж), 1929, 1 сентября.
- ⁹ Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939) — скульптор, близкий знакомый И. Е. Репина. Визит Гинцбурга встревожил обитателей Пенат, тем более, что вскоре после его отъезда в советской печати появились сообщения о попытках предьявить права на наследство еще не умершего художника. (См.: *Гинцбург И.* Наследие Репина под угрозой//Красная газета: Веч. вып. Ленинград. 1930. 1 сентября. № 206; Сохранить наследие Репина для СССР//Там же. 2 сентября. № 207). В этих обстоятельствах В. И. Репина предала гласности содержание бесед с Гинцбургом, отраженных в публикуемом письме ее сестры: *Репина В. И.* Отказ Репина//Руль. Берлин. 1930. 14 сентября. № 2980; И. Е. Репин и большевики//Последние новости. Париж. 1930. 16 сентября. № 3464. Более подробно визит Гинцбурга в Пенаты описан со слов Веры Репиной корреспондентом «Руля» спустя два месяца после кончины художника: «Очень взволновал папу приезд к нам Ильи Гинцбурга. В первое свое посещение «Пенат» Гинцбург говорил с И. Е. наедине всего три-четыре минуты. Вышедши ко мне, он, показывая своим характерным жестом в сторону папиной комнаты, сказал мне: „Ну, он человек конечный. Будем говорить с вами“. Стал уговаривать меня

подарить СССР некоторые папины крупные произведения. „Его там ненавидят, ему ничего не дадут“, — говорил он. „Вам же я исхлопочу пенсию. Для крика в Европу в СССР миллионы всегда найдутся...“ Конкретно эти „миллионы“ выразились в предложении мне пожизненной пенсии в 2000 финских марок в месяц. От каких-либо переговоров о пенсии я уклонилась. <...> К нам во второй раз И. Гинзбург явился уже в новом костюме и новых ботинках. Очень уговаривал сестру Татьяну Ильиничну вновь вернуться в СССР, откуда она недавно приехала и где незадолго до отъезда чуть было не была выслана в Сибирь. От этого удовольствия ее спасло только вмешательство Луначарского, разъяснившего властям Белоруссии о неудобстве ссылать в Сибирь дочь Репина. Испытать вновь всю тяжелую жизнь в СССР сестра, конечно, не захотела и предложение Гинзбурга отклонила решительно» (*Шубаков Н.* На посмертной выставке И. Е. Репина. От нашего корреспондента//Руль. Берлин. 1930. 10 декабря. № 3053. С. 2).

¹⁰ Суся — Сусанна Львовна Карсавина (род. 1920), дочь Л. П. и Л. Н. Карсавиных.

2

26 янв<аря> <19>31 г<ода>

Дорогая моя Лидочка, ты волнуешься, что задержала нас ответом, а между тем, как я здесь узнала, нам не надо спешить. Сейчас все объясню: сначала я и сама волновалась, что мы по разным причинам затягиваем. То для того, чтобы получить анкеты, надо было составить запрос по-франц<узски>, а Вера соответствующих официальных слов не знала. Могла сделать это здесь одна дама, но она праздновала Рожд<ество> по ст<арому> ст<иллю> и надо было пропустить 3 дня, потом у Лизы была срочная спешная работа, ночи сидела и ей некогда было идти со мной, а я с ней не знакома и не найти дачу в лесу. Вот видишь, так мы сами затягивали дело. Наконец, послали запрос и получили в ответ анкеты. Там требовались поручители франц<узы>, о кот<орых> я тебе написала, и заодно переписала все вопросы анкет для совета, чтобы не испортить дела каким-нибудь неумелым ответом.¹ Теперь в ожидании ответа от тебя на эти анкеты попросила Веру (кот<орая>) ехала в Гельсингф<орс> за картинами от Леви) зайти там спросить совета. И вчера получила от Веры письмо (на редкость обстоятельно написанное). Ей сказали, что обратиться с анкетами надо не в франц<узское> консульство Гельс<ингфорса>, а в Выборг, в русский комитет к барону Grevenitz² (он хорошо знал папу), и <он> направит все, как надо. Главное же, сказали, что раз у нас нансеновские паспорта,³ то там *быстро* выдадут визы и они будут действительны на 2 мес<яца>, а стоит

будут по 80 марок кажд(ая); через 2 мес(яца) их надо будет возобновлять. Чтобы мы не спешили. Это ей посоветовал представитель русск(ой) колонии Буш. Еще он сказал, что поручителями могут быть и русские известные лица, как Зее-лер,⁴ Малявин⁵ и т. д. В Выборг поедет Тася (надо Галино ухо показать), и она расспросит все у этого б(арона) Grevepitz, но она простудилась, здесь *все* болеют инфлюэнцией. Теперь ей уже лучше, и скоро она поедет, если только дети не заболели. Я же так глуха, что по делу объясняться прямо неловко, заставляя трубить в ухо. А от волнения совсем не разбираю слов. Так что вот видишь, прошение наше еще *не подано*. Когда я писала Бенуа,⁶ одновременно я послала запрос с кратким описанием нашего положения в франц(узское) консульство, что нансен(овские) пасп(орта) мы имеем, а что требуется кроме? Что мы вот столько натерпелись, и теперь просим выдать нам визы без ограничений. Ну там мы складно написали обо всем, и (я) думала, что по получении анкет, сейчас же подам и заявление и напишу точную дату подачи тебе, но вот как все видоизменилось. И теперь я не знаю, как лучше поступить? У меня как-то все спуталось, и я не пойму, *где* именно будут отмечать визы? *Здесь* в консульстве? Или из консульства сделают запрос в Париж и там наложат резолюцию? Я надеюсь, что будет так: на днях получу твое письмо с советами ответов в анкеты и Тася поедет в Выборг, тогда подадим анкеты, и я тотчас же извещу тебя о подаче их. Главное, мне неловко перед Ал(ександром) Бенуа, что мы задерживаем, и он может охладеть, отказаться, и потом, ведь Лев Пл(атонович), верно, уже уезжает?? Очень всем этим я терзаюсь.

Относительно денежных дел, решили все выбрать приблизительно одинаковой стоимости по 4 картины на каждого из нас 4-х и по жребию эти картины разделить. Тогда каждый будет продавать в свою пользу, чтобы получить сразу сумму. Это хорошо. Но продать теперь так трудно! Так трудно! Никому не надо. Комиссионер был, говорил, что я вам сколько угодно достану и Шишкина, и Айвазовск(ого) по дешевке. Также и Репин обесценивается совершенно. Потом ведь это не картины, а только *эскизы*. . . Все большие папины картины уже распроданы при его жизни, и все израсходовано. Вера, как стихийная сила, все прожгла. Папа умер без гроша денег — долги, долги. . . Потом едва, едва всучили 3 альбома за 25 тыс(яч) и расплатились. Писала я Шмакову Ник(олаю)⁷ в Выборг, он, Вера говорила, находил покупателей папе, и папа был доволен. Но нет никакого ответа от него. Может, он уехал куда? Леви сгинул. Вера поедет в Стокгольм, но что там выйдет, тоже еще вилами по

воде писано. А здесь расходы все растут... Словом, все та же песня. Но ехать нам во всяком случае надо не раньше июня, а то волнение на море.

Ну, что будет? А елка-то Ваша! Ах, как все понятно мне! Ярмо в ярмо! Но поздравляю с успехом. И Лев Пл(атонович) героически дал на растерзание свой угол и даже мамаш занимал! Да! А вот Тася мне подложила свинью вчера. Наши именины были — 25-ое, и заранее уже настроились гости. Ну и все, понятно, местные простаки бедняки эмигранты, вроде твоих мамаш. Признаться, на меня они наводят изрядное уныние своей какой-то духовной слепотой, ничтожеством душевным, убогими мозгами, но... все же это люди такие же, как и мы, все только погрязшие в провинциальном убогом благополучии. Когда я была здесь с Валяшей в <19>24-ом году, в них еще теплился огонь жизни, они расспрашивали с замиранием о жизни в России и сами считали пустяком свое материальное убожество. Теперь же огонь этот погас... Они замерли, ничего уж не волнует, лишь бы угоститься, поиграть в картишки, пожевать местную новость и все. Ладно. Ну что ж делать? Все это жертвы в конце концов. И как бы то ни было, знакомые и сами решили придти. Не гнать же? Я приготовила пирог, зайца Юриного, сыр, колбаса. Пришли, поздравляют, веду в гостиную, иду Тасю позвать. Она говорит: «А нет, я не пойду!» — «Да они поздравляют, выйди хоть поздороваться!» — «Нет, нет! Скажи, что я больна». Она и правда накануне лежала, и они все знали это, но тут, придя, спросили, как здоровье Таси, я сказала: «Ничего, прошло, так только, немного слабость еще», и вдруг вовсе не вылезет. Не то, что перед ними, но самой за себя так было глупо и противно! И было это еще 8 час(ов). Дети ложатся в 9 ч(асов), но Тася и детей всех заперла с собой! Форт Шаброль!⁸ А дети так любят, когда гости! И несчастными глазами глядят, не смея послушаться! Она им читала вслух, они любят очень слушать, но тут было все это так коряво! Я могла бы, понятно, все это повернуть иначе, если бы хоть заранее предупредила. И так меня это отравило! Ну, сели все чай пить, закусывать, и я да Ваня! Уже и именины... Вообще я не знаю. Всегда отродясь Тася трудная была, всем вразрез шла и всегда всех вон гнала, еще малюшкой никого не любила. Но эти годы в России все же сложили ее, и там об таких вещах и речи не было. Тем противнее мне теперь все это. Когда уже опытом научены, вдруг такие младенческие капризы. Ругаться вчера было уже некогда, да и где же за стенкой-то! Но сегодня я ей отрезала, что если она желает еще выкидывать такие номера, то надо иметь отдельную квартиру, а в углы прятаться нельзя! «Да

я больна была!» — «Вздор! Никто не заставляет высиживать, но выйти поздороваться ты была обязана, ты не безответственный Ромочка!» Сегодня пришла еще одна запоздалая поздравительница, и Тася была с ней очень любезная. Вот и всегда так, пока встряску задашь. Тогда и сама она веселее становится. Но как все это терзательно и глупо. Ваня по своему характеру совсем не в силе ее встряхивать, хотя сам часто доходит до каления. И ребят вот она также уродует. Доводит их. Просто беда! Она просто-таки не терпит людей, не любит жизнь ни в каких ее проявлениях, ей все в нудность и в тягость. Одно любит — сидеть и *читать* — все равно что, и чтобы никто не мешал, но чтобы Ваня тоже сидел мертвым телом и читал. Когда он ходит на спевки (хор церковный), она его гложет. Или к Илюше с Лизой пойдет, тоже уже надутая. В России по делам Ване приходилось туда-сюда гоняться, это ничего. Но тут просто крепостничество какое-то. И Ваня стал угрюмый, молчит за газетами. Дети уже прямо как обуза. Словом — ах! Все она отравляет. Всякое проявление жизни ей претит. Не только в себе, но и в окружающих. Зато с прислугами может трещать бесконечно ни о чем. Ну, Бог с ней. Вот встанем на работы, тогда опять исправится. Работать она может идеально все, что угодно, и безропотно. Ну, прости, надоела я. Да так привыкла уж тебе все выкладывать. Целую крепко-крепко вас всех.

Приписки:

Да! Не знаешь ли, сколько берет таможня за домашн(ие) вещи? И сколько провоз от пуда?

Как я боюсь удушливых газов! А ты? Может, надо всем уезжать в Австралию?

¹ Речь идет о письме от 16 января 1931 года, содержащем, в частности, вопросы анкеты для вьезда во Францию.

² Черновик письма Т. И. Рспиной-Язевой к барону Б. Н. Гревеницу с изложением обстоятельств эмиграции и планов переезда во Францию см.: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1188.

³ «Нансеновский паспорт» — удостоверение личности лиц без гражданства. Назван по имени известного путешественника и общественного деятеля Фрицьофа Нансена (1861—1930), возглавлявшего в 1920—21 гг. комиссию Лиги наций по помощи беженцам и военнопленным.

⁴ Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — литератор, художественный критик, коллекционер. После революции жил в Париже. Член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (председатель Н. Д. Авксентьев), член Союза писателей и художников, во второй половине 1940-х годов — генеральный секретарь Парижского Союза писателей. В 1935 г. усилиями Зеелера был образован «Фонд Репина — Комитет по увековечиванию памяти И. Е. Репина». Председателем его был сам Зеелер, среди членов значились: М. Алда-

нов, А. Бенуа, И. Билибин, И. Бунин, Н. Евреинов, Б. Зайцев, В. Зеньковский, К. Коровин, А. Куприн, В. Маклаков, П. Милуков, С. Панина, С. Рахманинов, А. Ремизов, Н. Рерих, С. Сорин, А. Тыркова-Вильямс, Н. Тэффи, Ф. Шалапин, И. Шмелев и др. См.: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 64—65; Последние новости. Париж. 1935. 29 сентября. № 5302. Одной из целей Комитета была помощь правнукам Репина в получении образования. Как явствует из отчета Комитета 25 мая 1938 г., «главной статьей расхода было содержание Гали Дьяконовой в общезнании Хр<истианского> Ст<уденческого> Движения, в двух летних колониях на Юге и в Динаре, на дорогу в Париж и обратно в Ажен, корсет Кириллу и др<ругие> мелкие расходы» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 66). Русские врачи бесплатно лечили правнуков художника — Галну от костного туберкулеза, Кирилла — от искривления позвоночника. Галина в это время училась в Ажене, была в числе первых учениц, оплату ее пансиона Комитет производил «<...> из стипендии Американского об<ществ>а помощи детям русских эмигрантов» (там же). Комитет также выразил благодарность профессору В. В. Зеньковскому, «<...> проявившему большое участие в судьбе Г. Дьяконовой привлеченном средством для ее учения» (там же. Л. 66 об.).

Сохраняющаяся в Бахметевском архиве переписка В. Ф. Зеелера свидетельствует об исключительно энергичных действиях, предпринятых им для помощи семье Язевых-Дьяконовых. Большинство представителей эмиграции, к которым он обратился за помощью, дали согласие на участие, иногда номинальное, в Комитете. Среди немногих отказавшихся был К. А. Сомов: «По-моему — и к сожалению! — комитет этот мертвое дело. Что можно здесь, в Париже, сделать для памяти Репина? Увы, несмотря на его могучий талант, он забыт и не популярен. Немного осталось людей, помнящих его лучшие, великолепные картины, современники же его или не знают, или не ценят (<...> В чем заключается деятельность Вашего комитета? Если только в мечтах и разговорах, я уклоняюсь. Я вообще никогда не хожу на собрания и из-за состояния моего здоровья, и из-за неимения времени, и потому, что я никогда ничего присоветовать и придумать не умею» (Письмо к В. Ф. Зеелеру от 19 января 1937 г.//Фонд В. Ф. Зеелера. Коробка 8).

⁵ Малевич Филипп Андреевич (1869—1940) — живописец. Окончил Академию художеств в Петербурге, ученик И. Е. Репина. В 1922 г. при личном участии В. И. Ленина и А. В. Луначарского покинул страну для устройства выставки «в пользу голодающих» и вскоре выступил с заявлениями, расцененными в Советской России как клеветнические.

⁶ Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) с 1926 г. жил в Париже. В его собрании находился подаренный Т. И. Репиной-Язевой этюд И. Е. Репина к картине «Искушение Христа» (начало 1890-х гг.). См.: Новое о Репине. С. 364.

⁷ Шмаков Николай Петрович — художник-любитель, владелец художественного салона в Хельсинки. Его рассказ о похоронах И. Е. Репина в изложении И. М. Карпинского см.: Новое о Репине. С. 339—340.

⁸ Форт Шаброль — ироническое название дома на парижской улице Шаброль, где осенью 1899 г. забаррикадировалась и 35 дней сопротивлялась полиции группа противников пересмотра дела Дрейфуса.

3

7 апр<еля> <19>31 г.

Дорогая, дорогая Лидочка, наконец пишу тебе. Наконец разделили *часть* картин.¹ Хотя и все-то оставшиеся после

папы картины можно назвать «жалкими остатками». Что было ценного, все прожито здесь до нашего приезда. Илюша подсчитал проданные без нас, и одним Леви за несколько лет было продано на миллион финс<ких> марок, но умер папа без гроша буквально и на похороны полиция одолжила нам из банка 10 тысяч, кот<орые> теперь с грехом пополам погашаем.² И еще прошлую зиму также было взято из другого банка в долг 10 тыс<яч>, и их погашаем. На выставке в Гельсингф<орсе> перед Рожд<еством> Вера продала 12 вещей (незначительных) за 100 тысяч и так раскортвовала <?> их, что у нас от них осталось 4 тыс<ячи>, но из них надо уплатить наследственный налог и в лавки — всего, вероятно, тысяч на 6! Вот каково положение. Теперь для всех необходимы деньги для этих срочных расплат. И потому 18 апр<еля> Вера едет в Гельсингф<орс> с новой выставкой *неделенных* вещей. А оставшиеся мы поделили. Из них на нашу долю пришлось две ценных вещи, остальные — наброски. Так и Вере с Юрой. Эти две вещи — голяшка большая «Ни» и «Большевики». После выставки в Гельсингф<орсе> еще будет дележка, но и там хороших на каждого по одной, и то портреты. Голяшка эта, как я часто писала тебе,³ сразу нам всем казалась просто картинкой на мыло, будто и не папина. Но потом переставили ее на другое место, и она так возродилась, что просто красота! Сама фигура больше натуры верно в 1½ раза. Сидит на софе с бульдогом. Фон с просветом и очень эффектный, грудь, ляжки, подогнутые колени — замечательно хороши. Лицо в тени, брюнетка с опущенными глазами. Приблизительно так.⁴ Написана она на Шаяляпине, когда папа рассердился, что он больше не приехал. И собака осталась, его бульдог Бум.⁴ Подпись синей краской громадными буквами почти посредине. Хороша она могла бы быть для большого кафе или в этом роде. Сейчас никто не желает затрачиваться на покупки картин вообще, и потому обесценивают все; за нее предложат, верно, не больше 40—30 тыс<яч> fr., но у нас на нее *вся надежда*, и на любителя она *очень хороша*. А потому мы дерзаем просить за нее 100 000 и спустить цену *не ниже* 75 тыс<яч>, конечно, что больше — то лучше, она очень эффектна. Размер ее чуть меньше 2¼ × 1½ метра. Я и думала, может, на Всемирной выст<авке> в чьем-нибудь павильоне она могла бы иметь успех и привлекла бы публику!⁵ Но, может, туда надо было проситься за год! Я узнала только на днях о ней. Где-то в Клямар<е> живет Андреева,⁶ вдова Леонида, та самая, что ни тебе, ни мне не нравится. У нее бывает Вер-

² В тексте письма — схематический набросок картины.

бов, еврей, художник, папин ученик, кот(орый) жил у папы здесь в Пенатах еще юношей и обожает папу истинно глубоко и честно. Он, как еврей, ходок, конечно. Он в <19>26-ом году⁷ устроил мне поездку к папе, а сам никак не мог получить пропуск, так как в Финл(яндию) евреев очень туго пускают. Может, через них нащупать почву? А может он (Вербов) сосватает нашу голяшку самому Шалапину? Он к нему вхож.⁸ Ему (Вер(бо)ву) можно сказать, что мы всей семьей в нужде с 4-мя малыми, необходимы средства, чтобы воспитать детей, заложить начало, хотим встать на землю. Когда он жил у папы, он ревностно оберегал папины работы и было 72 альбома. После него был Комашко — ученик, и, уезжая от папы в Россию, увез почти все папины альбомы, подменив их своими в энном количестве. Обнаружили это, когда было уже поздно. И папа, как всегда, махнул рукой, выразив свое негодование самым детским образом: когда раз пришло письмо от Комашко, папа весь искажился и крикнул: «Вера! Возьми каминными щипцами это письмо и брось в печь!» Что сейчас же и было сделано Верой. Папе писали, что он торговал папиными альбомами.⁹ Все это может быть интересно Вербову. А также скажи, что папа умер, можно сказать, нищим. Дом и земля отошли Финляндии по договору обмена с Россией. И финск(ое) правит(ельство) только из уважения к папе разрешает детям его пожизненно пользоваться этим помещением, беря ремонт и налог на себя. Но не имеет средств купить содержимое — обстановку всю, которая признана собственностью 4-х (теперь 3-х¹⁰) детей в равных частях. Конечно, если бы правительство купило все содержимое, то остался бы интересный музей папиного имени. Больно распродавать все по шкапам! Но мы уедем без права возвращения (по закону), Вера будет разъезжать по Виши; Юра — пьет и не способен охранять что-либо. Оставить дом закрытым опасно. Стены стеклянные, и у всех воображение, что тут миллионы. Неизбежны грабители. Вообще на Веру нельзя доверять ни иоты. Она расточительна до самозабвения и ненормальна по соображению. Таково положение. Хотя она и выкрикивает громкие фразы: «Надо оставить музей папиного имени! Что это вам не дорого, вы здесь проездом, вам только деньги надо!». Но что ж говорить ей о музее, когда своим хозяйничаньем она умирающего папу сделала нищим, без отказа набирая в долг корзины лакомств себе за занавеску исключительно для своего кавалера и себя. А теперь без конца заказывает туалеты, расплачиваясь за них непосредственно папиными рисунками, оставшимися в листках и завещанными папой в ее пользу... Фу, тошно. Теперь от малейшего разговора с ней я делаюсь со-

всем больна, мне схватывает бока по ребрам, и все нутро куда-то опускается, я ложусь без сил и сплю с кошмаром. Вообще просто карамазовщина какая-то — дом умалишенных. Юра на Пасху с забулдыгами пил одело(ло)н, громадную склянку, и встретили его босиком с валенками под мышкой — идет по снегам. Говорит: «Промочил валенки».

Нашу карт(ину) «Большевики» хотим послать в Стокгольм падчерице Шмакова.¹¹ Очень, очень трудно продать что-либо вообще. Общей же коллекцией, как я писала раньше, нечего предложить, все такой разброд жалких остатков, что обращаться к Бенуа просто жутко. Вот «Большевиков», если не удастся продать в Стокгольме, то, может, через Сорина¹² в Америку?? Они написаны под впечатлением Верных рассказов. И, в сущности, носят искаженный характер. В центре громадная рожа *солдата* в сер(ой) шинели, скула(с)тая, с мал(енькими) глазками и зверской алчностью (?) — он отнимает горбушку у зеленой старообразной девчонки лет 10-ти. С боков бледные физиономии испуганных и возмущенных обывателей, старуха в шляпке, еще кто-то. Холст не особенно большой, приблизительно 1 метр на $\frac{3}{4}$ метра. Ну вот, это все пишу для сведения тебе, дорогая моя неocenенная дружка.

Письма все твои получила, а самое отрадное — портрет Тютки твоей, собачки пустилачки, твоего искреннего друга. Так мне она нравится и так душа отдыхает, глядя на ее бесхитростную морду. Люди теперь хуже собак. Вчера у детей были гости 2 мальчика и 2 девочки, играли они с азартом во всякие игры, и во «мнение», причем, конечно, совершенно не согласуясь с ушедшими. Было немного пасхального угощения, и Рома, увидев китайские орехи, воскликнул: «Братцы! Орехи!» Я угощала мамаш и папаш, и за столом со смехом все жонглировали, ибо серединка стола вертится, и пока ты хочешь воткнуть себе булки, дальний, не видя, поворачивает себя что-нибудь, и булка твоя укатывает на столе-карусели. Ну так себе; конечно, о нашем советском житье не миновал разговор, увы, только разговор, как гарнир к праздничной беседе. О детях, о их плохих аппетитах и т. д. На первый день Пасхи какой-то пьяный финн ломился днем к нам во все двери, разбил стекло и санками хотел ломать раму. Чуть избавились. Вот и запри дом! При Надиной смерти Вера была дома, но у нее «что-то болело», и хоронить она не ездила. Вообще о ней говорить не могу. А Наде в Страст(ную) Суб(боту) было уже 20 дней. Мне бесконечно грустно за ее загубленную талантливую молодость.¹³ А сейчас жизнь ее была для нас тяжестью.

Приписки:

На Страстной у нас были метели отчаянные и мороз до 20°! Сейчас начало таять. Снегу лежит на метр.

Салярдам¹⁴ еще не написала: затрудняюсь определить участок, не имея понятия, какие деньги будут у нас на руках и вообще???

- ¹ См. Акт о разделе имущества И. Е. Репина между его детьми: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 349; частично опубликован: Новое о Репине. С. 344—347. Датирован 14 июля 1931 г. Как писал И. Э. Грабарь, при разделе «больше всего вещей лучшего качества досталось любимой дочери Вере, на долю Юрия пришлось похуже, а Таня получила еще худшие» (*Грабарь И.* Зарубежный период Репина//Художественное наследство. Репин. Т. 1. С. 300).
- ² В. Ф. Леви так комментировал финансовое положение Репина: «(<...> о нужде даже в последний год бездеятельности не могло быть и речи, а до того был избыток, какого Репин не знал в прошлом; но слишком велики были аппетиты окружающих»; «Жалобы на то, что он „кончил жизнь в нужде“, — абсурд, выдуманный Верой Репиной, из-за ее ненасытности и кликушества» (*Леви В. Ф.* И. Е. Репин в годы революции//Художественное наследство. Репин. Т. 1. С. 314).
- ³ В письме Т. И. Репиной-Язевой Л. Н. Карсавиной от 16 марта 1931 г. содержится беглое описание картины и более сдержанная ее оценка.
- ⁴ Портрет Ф. И. Шаляпина создавался в феврале — марте 1914 г., когда певец приезжал позировать в Пенаты. Дальнейшая работа над полотном без модели не принесла художнику удовлетворения. Портрет все-таки появился на 43-й Передвижной выставке (1914—15), но был прохладно встречен критикой. В 1917 г. Репин записал фигуру Шаляпина обнаженной женской фигурой, написанной по акварели, сделанной когда-то с Н. Б. Нордман. 30 апреля 1938 г. В. Ф. Зеелер писал В. И. Репиной: «Вот и Шаляпина похоронили. Неожиданно это было очень (<...> Не осталось ли снимка с записанного портрета Ф(едора) И(вановича)? — С собакой сидит. Я видел этот портрет в мастерской у Ильи Ефимовича — жалко, что уничтожен он!» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 707, л. 61 об.). Картина «Обнаженная женщина с собакой», под красочным слоем которой рентгеновскими исследованиями обнаружено четкое изображение Шаляпина, сейчас находится в Пражской Национальной галерее. Историю шаляпинского портрета см.: *Зильберштейн И. С.* Репин в работе над портретом Ф. И. Шаляпина//Художественное наследство. Репин. Т. 2. С. 361; *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». Л., 1977. С. 136—140; *Шаляпин Ф. И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 315 (комментарий В. И. Гармаша).
- ⁵ Международная колониальная выставка проходила в Париже в 1931 г.
- ⁶ Андреева Анна Ильинична (урожденная Денисович, в первом браке Карницкая; 1885—1948) — жена Л. Н. Андреева. После его смерти часто гостила в Пенатах и, по свидетельству В. Ф. Леви, одно время жила там. В 1920 г. Репин написал ее портрет. См.: *Леви В. Ф.* И. Е. Репин в годы революции. С. 310; *Кириллина Е.* Репин в «Пенатах». С. 188.
- ⁷ Ошибка автора письма: поездка состоялась в 1924 г.
- ⁸ Вербов Михаил Александрович (род. 1896). Живописец. С 1914 г. посещал Пенаты, а с июля 1916 г. жил там в качестве «подмастерья» И. Е. Репина. В 1916—23 гг. с перерывами числился студентом Академии художеств в Петрограде. Курса не окончил. С лета 1923 г. в Москве, в середине 1920-х г. выехал в Париж, позднее перебрался в США.

В настоящее время живет в Нью-Йорке. Портрет Вербова работы Репина и портрет Репина работы ученика см.: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 117, 119.

⁹ Комашка Антон Михайлович (1897—1970) — живописец. С мая 1915 г. жил в Пенатах на положении «подмастерья» (см. его воспоминания «Три года с Репиным в Пенатах» в кн.: Художественное наследство. Репин. Т. 2). Был мобилизован, в конце 1917 г. вернулся из армии, в начале апреля 1918 г., в дни боев в Куоккале, выехал в Петроград, из-за закрытия границы не смог вернуться и отправился в родные места — на Украинну. История с рисунками Репина подробно изложена в ряде писем Митрофана Семеновича Федорова (1873—1942), учившегося в Академии художеств у Репина в 1894—1901 гг.: «Дело было в 1918—1920-м годах. Как-то зимой ко мне на квартиру (в Харькове.— И. Д.) приходят 2 молодых человека в форме добровольческой армии.

Один из них (Комашка) передает от Вас привет и рассказывает, как он у Вас был в Куоккале. Потом (не раздеваясь и спеша) он говорит, что он пришел ко мне по делу: чтоб я указал ему, кому бы он мог продать рисунки. И показывает мне 6 ваших рисунков 1880—1881 гг. и один рисунок Врубеля.

Я ему указал — зайти к проф(ессору) Багалею, тот долго был во главе музея.

И молодые люди ушли. Прошли месяцы, даже годы. В 1919 г. большевики заняли Харьков. Я про Комашку забыл; работы и волнений тогда было много.

Весной 1920 года где-то на работе вновь подходит ко мне мол(одой) человек (Комашка) и говорит: „Вы меня не узнаете? Я у вас был с рисунками И. Е. Репина“.

Я вспомнил. Он просит какой-ниб(удь) работы для заработка. Я имел тогда возможность дать ему работу. Он ко мне относился хорошо и заходил, рисовал со мною дома и ел мой хлеб.

В Страстную Пятницу 1920-го года он пришел ко мне с двумя альбомчиками: один Петербургский, в нем портреты Ц. Кюи, В. А. Беклем(ишева), 2 портр(ета) Дубовского, неск(олько) женск(их) портретов, стрелочник. В другом — по-видимому, витебские (деревенские работы Ваши, — крестьяне на мельнице играют в карты при лампе, в лесу над дорожкой — группы и др.).

Меня смутило тогда, и я спросил его:

— Скажите: как к Вам попали эти рисунки?

Он озлился и сразу грубо:

— Не ваше дело!

Я говорю:

— Тогда я спрошу Илью Ефимовича.

Он отвечал:

— Попробуйте, — я вас посажу в ЧК.

Кто и что он — этот Комашка? — Я в конце концов не знал. Время-то было такое, что ничему удивляться не приходилось, и ни от каких непрошенных гостей не откажешься.

Я беру конверт, пишу короткое Вам письмо, спрашивая о рисунках Ваших, запечатываю и несю опустить.

Он идет в ЧК, и в ту же ночь меня забрали. Обвинения он написал на меня очень тяжкие. То было время, когда с Запада наступали поляки, а с юга Врангель. Церемониться тогда было не в моде. И я был после 50 дней тяжкого заключения осужден. Спасло меня то, что многие здесь меня знали и в последний момент по просьбе художников (моих бывших учеников) народ(ный) комиссар Мануильский сам мое дело рассмотрел и представил высшим органам власти. И я был спасен.

Вот это обст(оятельство) лишило меня здоровья, лишило заработка, и до сего дня — девять лет — я влачу нужду и болезни.

А Комашка тогда исчез из Харькова, вошел в партию и явился теперь как директор Высш(его) Худ(ожественного) учебн(ого) заведения.

От Вас *тогда* я получил письмо, в кот(ором) Вы мне писали, что рисунков Вы ему не дарили, что просите повлиять на остатки его совести, чтоб он Вам вернул рисунки. Это письмо датировано VIII.1922 года.

Этим письмом я был нравственно поддержан.

Недавно Комашка показывал рисунки эти одному знакомому моему. Другому знакомому он показывал письмо от Вас (будто бы), в котором Вы пишете, что <...> никаких обвинений по адресу Комашки у Вас нет. <...> действительно ли Вы писали ему такое письмо? <...> В Ваших письмах ко мне есть тенденция предать это все забвению („о рисунках спрашивать не стоит; Он (Комашка) Юре писал, что у него дочь. Повезло человеку. Что ж ему мешать“, — писали Вы в конце 1927 года мне < >).

Я понимаю и глубоко ценю это Ваше желание: забыть.

Но Комашка далеко не миролюбив и далеко не удовлетворяется своим положением. Он очень активен. <...>» (Письмо от 19 июня 1929 года/НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 519. Л. 10 об. — 12). Более коротко, но с некоторыми другими деталями эта история изложена в раннем письме М. С. Федорова Репину от 10 сентября 1922 года (там же. Л. 1—2 об.). Судя по содержанию открытки от 6 июля 1929 г. (л. 13), Репин выступил в защиту Федорова.

Надо полагать, обелявшее Комашку письмо, которое он демонстрировал своим знакомым, не было подлинным. 26 июня 1929 г., то есть в дни, когда письмо Федорова было отправлено в Куоккала, Комашка просил Репина о поддержке — о том самом письме, которое у него, якобы, уже было: «<...> когда Федоров орудует Вашим письмом, то все мои противники, которые никогда не стали бы с ним рядом — действуют сейчас заодно.

Сейчас поход особенно усилился еще в связи с тем, что мне назначена государственная заграничная командировка для усовершенствования как художника.

Дорогой Илья Ефимович, если Вы меня уважаете и верите моей преданности и любви к Вам, то я тогда обращаюсь к Вам с просьбой: аннулируйте это письмо к Федорову, если оно действительно было Вами написано (я его сам не видел). А само аннулирование надо сделать письмом на имя Народного Комиссара по просвещению Украины академ(ика) М. О. Скрыпкина» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 256, л. 8).

Письма И. Е. Репина к М. С. Федорову и А. М. Комашке 1920-х гг. нам неизвестны, в воспоминаниях Комашки приводятся фрагменты репинского письма к нему 1926 г., касающиеся ремесла художника (Комашка А. М. Три года с Репиным... С. 292).

¹⁰ Надежда Репина умерла 16 марта 1931 г. О смерти и похоронах Т. И. Репина-Язева рассказывает в письмах от 16 и 23 марта 1931 г.

¹¹ Картина «1918 год в Петрограде» или «Большевики» (1922?), холст, масло; приблизительные размеры — 1 м × 0,80 м; без подписи). Нынешнее местонахождение неизвестно. В 1951 г. была у Язевых-Дьяконовых. См. частично сохранившееся письмо В. Ф. Зеелеру (март 1950 г.?): Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8.

В фонде Зеелера (коробка 4) находится также фотография картины. На обороте надпись рукой И. Е. Репина: «На улице. Этот сюжет я писал со слов очевидицы. Она уверяла, что видела сама эту сцену.

Но у меня вышла карикатура на действительность, и я за нее извиняюсь. И. Репин».

¹² Сорин Савелий Абрамович (Завель Израилевич; 1878—1953) — художник. В 1899—1907 гг. учился в Академии художеств, ученик И. Е. Репина. После революции уехал за рубеж, был известен как портретист. Жил в Париже и Нью-Йорке.

¹³ Надежда Репина хорошо училась, окончила семь классов гимназии и мечтала об университете. По окончании курсов лекарских помощниц работала в Сибири на ликвидации эпидемии сибирской язвы. Когда Надежда вернулась в Петербург, женщинам уже было разрешено поступать в университет, но лишь по окончании восьми классов. Девушка самостоятельно прошла курс восьмого класса гимназии, однако из-за болезни не сдала экзаменов. Перспектива целого года новых занятий, очевидно, подорвала волю Надежды, она отчаялась и бросила учение, обратилась к религии. Постепенно наступило явное помешательство. См. письмо Т. Н. Язевой-Дьяконовой ученикам Чугуевской школы от 3 октября 1971 г. (копия: НБА АХ, ф. 25, оп. 1, № 2480). Следует, однако, отметить, что Т. Н. Язева-Дьяконова стремится смягчить облик членов семьи Репина, прежде всего Веры и Юрия.

¹⁴ Салярды — французская крестьянская семья, соседями которой стали Язевы-Дьяконовы.

4

9 мая (19)31 г.

Николы Вешнего, а холод, хоть шубу одевай. И дети опять простудились, и я с кашлем вечным здесь. Лидочка дорогая, благодатная моя. Вчера получила твое письмо долгожданное, ничего ты не виновата, только мне всегда жутко становится, когда долго от тебя вестей нет. Я так и думаю, что корь Сусина причина тому. Но слава Богу, что кончилось, а наши корью еще не болели. <...> Мы все еще на мели. Во все ходы забросили удочки и теперь ждем, не клюнет ли где? Если будешь говорить с Вербовым, имей в виду, что он большевик. Но к папе у него отношение *вне* политики. Зеелеру довериться я побаиваюсь — не то, что он сжулит, но как-то все у него бесследно замирает. Так было с продажей рисунков и после с печатанием книги папиных воспоминаний (в Верину пользу). От Леви еще ответа нет. Пока. В Стокгольме старается падчерица Ник(олая) Шмакова, не знаю еще, выйдет ли что? А у Веры в Гельсинки, возможно, что при закрытии (20 мая), может, что-либо наклюнется. Так как во время выст(авки) нужно уплачивать хозяину зала 15 процент(ов), и они во избежание этой платы устраивают покупку по окончании. От Салярдов тоже еще ответа нет. Боюсь, не очень ли мы засыпали их вопросами, ответят ли они нам? Стоят у нас совсем летние дни, и дети уже жарились на берегу на песке в одних платьях, хотя лед на за-

ливе еще стоял. Потом начал трогаться и сразу стало холодно. Сегодня лед ушел, но все равно холод и печи топим. В саду много подснежников (перелесков белых) и трава молодая начала расти, а деревья, конечно, еще голые. В Здравневе, бывало, раньше лето становилось. А главная пагуба здесь — болота кругом, и в жару-то, как солнце садится, так испарения какие-то гнилостные. Если бы я осталась тут жить, то неизбежно бы в чахотке умерла. Вот и за детей здесь страшно. Сегодня в газете «Сегодня» прочла заметку, что на днях в Париже будет выставка и распродажа старинных русских книг с аукциона, и также в число редкостей входит колода карт с изображением губерний России с обратной стороны и «дам» в национальных костюмах — всего 59 карт. Мы же здесь нашли в ящиках такую самую колоду карт всех 60 штук, так что полная. Мы (я, Тася и Ваня) тайно присвоили ее себе и теперь с первой почтой отправили тебе, а ты, дорогая! Выручи! Сходи по этому адресу и узнай, может быть, можно ее будет включить в эту продажу, если не поздно? Конечно, если продажа в пользу владельцев? (Там не сказано, в чью пользу?) Какая может быть цена этой колоде карт, мы не имеем понятия. Но, может, можно это узнать, спросивши предварительно, сколько ценят они ту колоду, что у них? Да во всяком случае лучше, чем ничего. В адресе сказано только: *она откроется 16-го мая на рю Сент-Анн*. Если возможно тебе, сходи, узнай, предложишь карты как твои, чтобы не было разговоров. Конечно, если будут гроши давать, то, может, их предложить просто антиквару? А то и вовсе оставь их пока. Сегодня бегала в церковь, Николаю Чудотворцу свечу поставила. Церковь близко, на высокой горке стоит очень симпатично. Но батя 82 года! На вид он весьма благообразный, белый, как лунь, но не дряхлый; но скареда адовый. Хотя понятно, денег-то нет и взять негде, и права его зело урезаны, а он-то бывший военный свящ(енник) из Царск(ого) Села, набалованный, и никак не может смириться с настоящ(им) положением. Староста же бывший урядник, вполне вошел во вкус современный и жмет попа собраниями и советами, хотя ловко всякими ходами изыскивает средства для церкви, но морда хитрая. Еще — хор человек 12 или 14, любители; там и Илюша с Ваней поют. У них регент, еще молодой довольно, многосемейный эмигрант с российским духом, беднота — Кузнецов. В хоре он священнодействует, все поют концертное и каждый раз новое, и каждую нед(елю) спевка как священный долг. Поют с замиранием и так тихо, что я абсолютно ничего не слышу, хотя стою на сажень от них, и только разверзается слух мой, когда «Да воскреснет

Бог!», и снова могила. Они поют все даром. Еще — дьякон чуть глуховатый, тоже уже старый, но, конечно, не 82 г(ода), и потому при батюшке еще не старый. Он тоже тип в своем роде. Одна в коленопреклонении потерял калошу свою, и долго эта калоша оставалась пред молящимися. Когда Тася исповедовалась и причащалась, на службе не было хора (в будни они заняты), и вот дьякон, выводил, очевидно, концертное, и выходило у него, Тася говорит, совсем на мотив «Под вечер осенью ненастной...» Словом, ансамбль. Еще сторожиха Катерина в зеленой кофте или в зеленой шапке обязательно! Недавно женила последнего сына, вдова. Она вездесуща. Она моет у нас полы через неделю и стирает нам и всем почти и знает все новости; словом, *звонарь*. Молящихся же 1½ человека, ну не 1½, а 4, 5, бывает и 20! Дома же у нас — могила! Эти две комнаты, в кот(орых) мы живем, полутемные обе: в одной окошко, в углу за стеной, а в другой 3 окна в сени и в потолках матовые квадраты в мастерскую. Свет такой, что так и кажется, что в окне увидишь ноги пешехода до колен — подвал. Такая же и атмосфера. Светлых комнат всего две, Верина (бывший папин кабинет) и столовая, окно во всю стену, но в ней громадный круглый стол (знаменитый) и шкапы, шкапы дубовые, как дома целые. К Вере же, как в святых, никто входить не смеет! Кухня еще светлая, и потому дети и мы все больше в кухне толчемся, хотя двери распахиваются на холод. Прислуги две сестры Юля, Эмма (16 и 18 лет), очень милые, главное, любят детей и играют с ними, но Юрины жеребцы (Гай и Дий) не дают им прохода, особенно, когда выпьют!

Пиши, Лида моя, твои письма всегда как благодать какая.

Приписка:

Очень спасибо тебе, что ты не боишься нашего нашествия, хотя, конечно, мы не злоупотребим твоей добротой.

10 мая

Сегодня воскр(есенье), и письмо мое пойдет завтра. А сегодня я получила письмо от агронома Тулузы, которому Salard'ы переслали наше письмо со многочисленными вопросами. И он очень любезно и внимательно отвечает на все и дает образцы участков различных площ(адей) и цен. Очень бы нужна, хорошо бы иметь подробную карту Юга Франц(ии). Он устраивает продажу в тех же районах от Бордо к Тулузе и к Средиз(емному) морю под Пиренеями. Мы хотим возможно ближе к Средиз(емному) морю, а не к океану. Вот если бы тех мест карту. В районах Тулузы. А у самого моря, он пишет, хозяйства нет: лес и песок, ну виноградники.

Вот не знаю, как в Провансе. Может, там еще лучше? Но это уже не его район. Но, пожалуй, раз у самого моря нельзя, то под Пиренеями-то лучше, чем где-либо. Оттого от Salard'ов и не было так долго ответа, но мы им *очень* благодарны, что они, очевидно, не решаясь отвечать на все подробности, переслали агроному. Выбор большой, глаза разбегаются и аппетит разыгрывается. Теперь за малым стало — денег, денег!.. Главное, финск(ие) марки, это не франки! И если участок на 30 тыс(яч) фр(анков), то марок нам надо 45 тыс(яч), да плюс дорога, да живой завод, да расход по осмотру, покупке и пр.!.. Вот 100 000 вынь да положь. Но если нам удастся продать и на 50 000 м(арок), мы поедем. Как-нибудь сожмемся, лишь бы выехать, лишь бы начать *свое*. И во всяком случае, я так думаю, что самое плохое тамшнее будет много лучше здешнего лучшего. Ну, увидим. Еще пока потерпим. Неужели ничего не продастся?

Целую крепко. Пиши, твоя Таня.

5

1-ое июня <19>31 г. ⁶

Дорогая моя Лидочка, здоровы ли вы все? Опять давно нет от тебя вестей. А я просто совсем скоро заболею здесь нервным расстройством. Причина главная — Вера. Нам всегда было подозрительно на нее. И деньги она закручивала, и обманывала в глаза, и в комнату свою тащила все лучшие вещи, как крыса в нору. Но все это пустяки в конце концов. А кроме того, она постоянно охраняла свою комнату и так держалась в отношении нас, что мы (только я да Тася) (дети никогда, кроме Бони (?)) ходили к ней в комнату только в том случае, если надо ей что-нибудь важное сказать или спросить, и сейчас же уходили оттуда. А перед отъездом в Гельсингф(орс) она призывала слесаря чинить замки и, кроме того, снаружи заколотила шкапы гвоздями, 4-мя гвоздями.^в В ее комнате 4 шкапа, и вот мы решили проверить и вскрыть один из них! Один зеркальный, другой красн(ого) дер(ева) и третий старый гардероб. Прислуга дома не ночует. И чтобы не пускать разговоров, мы встали в 4 часа утра. Вытащили гвозди у гардероба, и шкаф легко открылся. Под простыней платья, а под ними также закрыто

⁶ В автографе ошибочно указан год: <19>30.

^в В тексте рисунок.

белым — о ужас! Папины работы! Сто пятьдесят восемь штук!! Масляные и акварели... Кроме *этого* гора альбомов. Мы уже их и не пересматривали. *Рисунки* завещаны ей, но акварели общие. А я еще перед ее отъездом спросила ее, не остались ли в альбомах акварели? Она дико, с неприязнью взглянула и сказала: «Нет!»; потом, верно, одумалась и Тасе сказала: «Я после посмотрю, может, найду акварели». Надо еще сказать, что я с Юрой и Тасей осматривали мастерскую и каждый клочок и каждый лоскуток зарисованный приносили, звали ее и *делили*. Шкап же этот (гардероб) она перед отъездом убирала. Тася зашла что-то сказать ей, и шкаф был раскрыт, а она подторкивала что-то внизу. Тася думала, одежду, башмаки. И вот подумай! Какой обман! До чего она дошла! Куда опустилась! Воображаю, как хапала она все время и продавала на стороне! Сейчас послезавтра вечером она должна вернуться из Гельсингфорса. Писала, что на выставке *ничего* не продано. А сама там жила в лучшем отеле, играла в спектаклях и пр. Разумеется, у нее была увезена с собой пачка для побочной продажи в свою пользу. Очевидно, и раньше она устраивала то же самое. Знаешь, я подозревала, что она акварели в альбомах пописывала, ну штук 10, 20, но 128 масляных и 30 акварельных и еще 5 посторонних авторов. И все это в одном шкапу! Это уже *ограбление*. Мы сложили все, как было, и я сходила к Стольбергу (он пограничник) служащий и сыщик) — финн, имеет силу и, главное, хороший человек. Пошла и рассказала ему, прося совета. Он сказал, что сам он не может действовать, что надо сказать полиции. Я сказала, что не хочу трепать папино имя, и в конце концов решили попробовать мне одной, а если она упрется, то уведомить его. И вот все эти дни я живу с предстоящим объяснением! Можешь себе представить, каково мое состояние! «Вы представьте, каково мое положение?!» Помнишь, дамы просто приятная и во всех отношениях. — Да! Мне было так тяжело, что я решила сказать и Юре. Он, правда, выслушал очень дельно (не посвящая Гая и Дия) и советова сразу в полицию, но потом согласился и так. А сегодня взял да и ушел со своим собутыльником!! Пить! Теперь в пьяном виде может все разболтать, и тогда пойдет звон. Боже мой, Боже мой! Как нам вырваться отсюда!? Из этой карамазовщины... В Стокгольме у падчерицы Шмакова тоже ничего не продано! Ведь если бы Вера не награбила эти вещи, мы могли бы их все пустить дешевле, так чтобы продались наверное, и уже уехали бы, а то вещей было так мало и все крупные — не отдавать же было их за бесценок. А между тем теперь уже время упущено — лето! Все разъ-

ехали. Думаем устроить аукцион своей доли (разделивши все). Как ты думаешь?

Приписки:

Скверно, что полиция здесь прежде всего ленсман, а у него с Верой какие-то секреты были от нас, и она ему постоянно рисуночки поддаривала, так что Бог их знает! Что-то будет? Что-то будет?

А какая участь колоды карт? Это единственное, что мы взяли без спроса, но и то сказать, скольким пользовались и Вера, и Юра, пока мы там мучались!!!

От Леви никакого ответа нет;

Лидочка! Помолись за нас! Я так боюсь предстоящего объяснения, главное, скандала и обмана... Просто ужас:

6

13 июня <19>31 г.

Дорогая, дорогая моя Лидочка, сегодня получила твое письмо — мою радость, всегда, читая письмо твое, обновляется сердце мое. Этот незаменимый отдых душевный на твоей правде, которая глядит из каждого простого слова твоего.

Так мы измучились здешней ложью и все это время жили ожиданием Веры, приехала она только вчера вечером. Ждать ее каждый день все время было так невыносимо, что рассказала Юре (или это я уже писала тебе?) Юра сказал: «Надо в полицию заявить». Мы заявили. Они приехали, осмотрели и запечатали сургучн(ыми) печатями 2 шкапа. Потом без конца я волновалась, как все это будет? Главное, здесь главный полицей(ский) ленсман Блум, у кот(орого) с Верой темные дела, она постоянно ему поддаривает рисуночки, и он приезжал — садится ко мне задницей, а ее выслушивает, как единственную дочь папы. И законов-то здешних я не знаю, и советчиков-то знающих нет. Решили мы (я, Тася и Ваня) написать Ник(олау) Шмакову в Выборг, не присоветует ли что? Только послала письмо, а он на другой день и приехал, и говорит: «Я сразу с твоим письмом сходил к Губернатору!» Я испугалась, правда, а он говорит: «Это самое лучшее, теперь Губернатор на вашей стороне, и Блум ничего не посмеет. Вера должна будет разделить все найденное, в противном случае все пойдет судебным порядком». Ну, словом, долгая это история, боюсь, места не хватит. А о многом написать-то надо. Ну вот, вчера она приехала, очевидно, уже зная, что у нее опечатано, но как ни в чем не бывало и нам

же стала зубы заговаривать всякой ерундой. Я молчу, как туча. Она говорит: «Можно продать что-нибудь из мебели». Я говорю: «Прежде всего все разделим». Она: «У меня в комнате *все мое!*» И пошло... и ядрам пролетать мешала груда кровавых тел! Хотя до рукопашной у нас и не дошло, но словесная баталия была отчаянная. Она все при своем, что это все ее, что папа ей *весь дом* подарил. Я говорю: «Тогда зачем же папа завещание написал?» И т. д. Сегодня с утра то же самое, но да! После перепалки в 9 ч(асов) в(е)ч(ера) я с Ваней побежала к Стольбергу, он как друг нам, и он всегда присутствует при полиции. Правда, со слезами рассказала я ему, прося защитить нас. И вот сегодня они приехали. Блум со мной едва поздоровался, а к Вере с любезностями. Она вчера еще сказала, что он ей сам сказал: «Вы возьмите все в Вашу комнату, и я ручаюсь, что мы в ней не будем смотреть!» А сегодня, как он приехал, она говорит мне: «Ах, ему надо деньги дать!» Я говорю, зачем? «Ну да! Надо дать!» Я сказала — я ни на какие сделки не пойду! Помощник его (1 нрзб.) очень хороший и справедливый. Он(и) со Стольбергом и начали потрошить шкапы. Она мило улыбалась и говорила: «Это папочка мне подарил!» А они молча вынимают да вынимают — горы, горы! И масляным, и акварели... Блум сидел, как столб, очевидно, он и сам не ожидал увидеть такое количество! Прямо-таки второе наследство. Разделивши на 3-х, будет штук по 60! Мне так было за нее стыдно! Что хоть провались, а она хоть бы что! Ну, конечно, кое-что поосталось еще спрятанным. Ну, и так хватит. Бог с ней! Если б ты слышала, какую ерунду она порола! Чтобы доказать, что это ее: «Все-таки, — говорит, — мне надо больше, потому что у Юры — сыновья; у Тани семья, а я одна!» или: «Вы все бросили папу, а я с ним жила 12 лет. И он меня хотел отблагодарить», или: «Таня семьей устроилась, и Юра тоже, а я всю свою жизнь отдала папе, и он мне все подарил». Я говорила: «Отчего же он не написал этого нигде, что все дарит тебе?» — «Ах, он был слаб и не мог писать». — «Да ведь завещание-то он писал еще за 2 года!» — «Ну, он не хотел написать». При этом все время, как припев: «Я добрая». Просто дура какая-то. Ну ладно. И так они по окончании заперли все в гостиной в шкаф и ключ с собой взяли и сказали, что приедут в пятницу и субботу и все *поделят на 3 части*. И вот мы (я, Тася и Ваня) после их отъезда были буквально, как пьяные. Втроем пили валерьянку, но ничто не действовало. Заскочили к Илюше с Лизой, те поздравляют меня, а я как шальная и посейчас еще верить боюсь. Как только разделим, распродам по дешевке, и ехать, ехать!!! Уехать. Неужели будет воз-

можность??? Но здесь очень мало покупателей... И в Стокгольме ничего не продалось. Если только сможешь, конечно, хорошо бы поговорить с Зеелером. И с кем хочешь, и с кем можешь. Может, возможно было бы нам здесь продать тысяч на 30 и ехать с картинками туда, а там снова продать на 30 и купить в рассрочку? На дорогу, мы считали, нам пойдет 10 тыс(яч), а 20 было бы с собой. Или так нельзя ехать? Напиши, как по-твоему? За карты-то антикварные спасибо, Лидочка! Очень хорошо и за 400 фр(анков), но, продавши, деньги оставь у себя, все равно нам там они понадобятся. И очень мне понравился по описанию внук Стоюниной.¹ Теперь уже мало таких цельных натур. Все извращенные. Спасибо за карточки с Суси — какая она большая и интересная, и молодец — на велосипеде и на ходулях! Валяша заглазно обожает ее. <...> Как хочу всех вас видеть! Теперь и Лев Пл(атонович) с вами! <...> Были ли вы на Колониальной? Верно, нет. Мы все в газетах читаем. Теперь там же где-то и Леви выставка. Он мне так ничего и не ответил. Очевидно, очень уж я обусловила, да и приманка малая — голяшка, и цена аховая — 100 000 фр(анков)! Но у нас тогда было так мало вещей, что мы не решались спустить. Теперь все иначе.

Ну вот и все написала. Уже белый день, не ведаю, который час. У меня старенькие папины часы, и все останавливаются. Эти часы он еще Жене дарил. А он, уходя на войну, Илюше их дал. Словом, исторические. Да! А агроном-то! Вот так фунт! А ведь его нам Салярды направили. Но, конечно, в нашем письме к ним было столько вопросов, что ответить только и мог агроном. Относительно же участка земли напишем Салярдам просьбу подыскать. А приехавши к тебе, кто-нибудь съездит посмотреть, и если подходяще, то и купит, тогда и водворимся. Ох, не мечты ли все это? А вдруг завтра снова история с Верой какая-нибудь. Вот придет к ней В. М., понадает советов, тогда видно будет. Я уже так запугана и замучена всевозможными не из тучи громами, что, пока в руках не будут вещи, поверить не могу. Ну, пиши.

Твоя, твоя, твоя Таня.

Всех целую вас крепко.

Приписки:

14-ое <июня>. Сегодня узнала, что папины работы уже продаются по 2 тыс(ячи) маслян(ые), и так много, как мороженым торгуют. Это Вера наводнила краденым. А на выставке *ничего* не продала.

С выставки она продала только одну картину, кот(орая) принадлежала ей.

1 августа <19>31 года

Дорогая, дорогая Лидочка, оба твои письма получила и радовалась, и горевала, читая их. Слава Богу, что деньги вам выдали, и очень сочувствую Иринуному нездоровью. <...> Когда долгое время вертись в одной и той же работе, то всякая мелочь этой работы приобретает власть над человеком, и не исполнить этой мелочи, кажется, нет возможности, а если вышибет из колеи, и после взглянешь на ту же работу, то сразу увидишь, что не стоило тратить себя и время на эту ерунду. Я так сама испытывала. Особенно в хозяйстве. Но зато ты своим невылазным сидением сохранила свой нормальный вид «человека» и «правды». Потому что мирская суетня в наше время — *сумасшедший дом*. Как большевики, так и европейцы, всяк лезет на свою отвесную стену совершенно непроизводительно и никчемно, одинаково губя под ногами «прекрасную жизнь человека», и с той только разницей, что одни в спортсменских костюмах, и потому в большей мере затаптывают «жизнь», а другие в смокингах и декольте, связанные в движениях, сами срываются и гибнут. Все с жиру бесятся и не видят простой, прекрасной и нормальной жизни у себя под ногами. Извини за мою доморощенную философию. Это так, между прочим. Дела же наши таковы: собрали мы от продаж за все это время 25 000 финск<их> марок. На дорогу с багажом, визами и первыми расходами надо считать 10 000 м<арок>, так как товарным пароходом до Гавра можно бы было устроиться по знакомству всего за 2000 м<арок>, но все говорят, что силы не выдержат такого переезда и рад будешь отдать *все*. А взявши во внимание наших слабосильных, заморенных ребят и Тасино здоровье, приходится от этого дешевого плана отказаться. Стало быть, свободных остается 15 000 м<арок>, т<о> е<сть> почти 10 000 франков. Этого мало для того, чтоб встать на хозяйство, уже пустовавшее с осени, т<о> е<сть> год жить надо. Мы имеем еще кое-какие надежды на небольшие прибавления денег и, так сказать, все же почти можем ехать, конечно, покупка в рассрочку и дальнейшая продажа для уплаты за землю. Но все же мы окрылились тем, что есть. К тому же никаких долгов, и все здешние налоги нами уже уплачены. Во всяком случае, до осенних непогод мы должны уехать, иначе мы пропали. А теперь, кроме де-

нег, вот какая беда и забота. Был у нас общий аукцион, т(о) е(сть) всякого хлама, неделинного между Юрой, Верой и мной. Его (этот хлам) надо было привести в годный вид, и, конечно, Вера пальцем не шевельнула, Юра также, сыны его после неоднократных призывов помогли дня два, а все мы отворочили и Тася часами сидела в мастерской, группируя рисунки учеников. Там была духота, и сделан сквозняк, ей и прохватило почки. Теперь вот уже неделя, как она лежит. <...> Доктор хороший, и все же ей лучше, но необходимо вылежать, а усложняется все, как ни тяжело признаться, ее беременным положением (5-ый месяц), и 5-ый младенец! Ну что делать, такovy ее убеждения, хотя и самой ей не в радость. Здесь она, пока есть возможность, старается держать это дело в секрете, ибо кумушки заедят! Сама она очень сдержанна в этом смысле и терпелива, и без всяких требований, словом, с «советским опытом», умеет нести свой крест во всяких обстоятельствах. Но для почек-то это усложнение. Очень мне ее жалко, совсем она, как отравленная. К тому же жара, духота в доме ужасная и из кухни весь жар, как в трубу, в нашу комнату, а другие все проходные. Кроме того, теперь, когда мало-мальски затихло со своими, и всяк своим добром независимо распоряжается и живет, как хочет, отдельные даже входы, загорелось у нас новое дело с одним из покупателей, а именно г-н Сироб <...>. Он профессор, не знаю, пенсия или музыки там же, где Н. Шмаков, в Выборге. Он явился с целью *крупной* покупки. Расстился лисой и облюбовал у нас Волконского.¹ Я спросила 50 000, имея в виду, конечно, спустить, так как, сколько ни спроси, все равно дадут половину. Он ничего не возразил, ну сказал, что дорого. Я сказала: «Вы скажите Вашу цену, мы сговоримся». Он сказ(ал), что еще придет поговорить, что он *непрерывно* купит Волконского, и стал пока выбирать маленькие акварели и рисунки. С ним были его знакомые, кот(орые) также выбирали из маленьких, и он просил им уступить. Мы вместо 4-х т(ысяч) взяли с них за 3 хорошие вещи 3100 м(арок), а сам он выбрал чудную акварель — эскиз к «Черноморской вольнице»,² и набросок батюшки. Я спросила с него за обе 3000 м(арок), он мне стал давать одну т(ысячу). Я сказала: «Нет, так я не могу, но раз Вы хотите покупать большую вещь, то мы с Вами после сговоримся об этой цене». Если бы он дал за Волк(онского) 40 000 или 35 000, я бы ему и в придачу даром дала эти рисунки. Он начал <говорить>, что ему необходимо сейчас же взять рисунки, и опять сует 1000 м(арок). Я говорю: «Нет, нет, так я не могу. Вы возьмите пока даром, а после мы сосчитаемся». Он Тасе стал совать 1200 м(арок). И Тася, конечно, тоже не взяла, как как

иначе он их и присвоил бы за эту 1200 м(арок), когда им цена 5000, а я уступала за 3000 м(арок). И так он взял их и уехал. Это было в дни аукциона, и в мастерской при его торговле были Шмаков и Щепанский (комиссионер), и еще знакомый один и его компания. Народу много, и все видели, что он совал то мне, то Тасе свою 1200 м(арок), а мы не брали. Он назначил день, когда придет, но пропал и сгинул. Я написала ему: «Если Вы раздумали покупать Волк(онского), то уплатите мне 3000 м(арок) за взятые рисунки. Если же это для Вас дорого, то верните их обратно». Через два дня он приехал с женой. Опять лисой, и: «Позвольте еще раз посмотреть». «Пожалуйста». Повела в мастерскую я одна. Тася лежала, Ваня был в лавках. Он снова все пересмотрел, отобрал еще из небольших 3 вещи по скромной расценке на 7000 м(арок), и говорит: «Вот я бы купил у Вас эти три вещи и Волконского — все за 12 000 м(арок)»!!!! Я просто рассмеялась и говорю: «Ну нет, нам с Вами не сговориться, Волконск(ого) одного я бы могла уступить крайнее за 35 000», а он говорит: «Ну, Вы еще подумайте». Я говорю: «Нет, это безнадежно, и сосчитаемся за взятые Вами рисунки, я их ценю 3000 м(арок), если Вам дорого, возвратите их обратно». Он: «Да, это дорого, я их верну, но я Вашей дочери заплатил уже 1200 м(арок)!» Каково?! В этот момент вошел Ваня, и он сразу к нему: «Я Вашей жене заплатил уже 1200 м(арок)!» Ваня: «Ничего подобного! Вы предлагали, но мы не взяли с Вас ровно ничего». Он возмущенно возвысил голос и петухом налетел: «Ваша жена взяла у меня 1200 м(арок)!» Ваня ему: «Вы лжете! Она ничего не взяла». Он скандально начал орать, вызывая нас на оплеуху, но Ваня очень сдержанный на этот счет и только говорил ему свое, что это ложь. Он (говорил), что он тогда за свой счет вызовет Шмакова как свидетеля. Я говорю: «Пожалуйста, и всех вызовите, это оскорбление нам!» Он петухом сбежал вниз. (...) Но неужели ради 1200 м(арок) он, имея положение профессора, пошел на такой скандал!? На другой день Ваня встретил у лавок Стольберга (здесь авторитетное лицо), и Ст(ольберг) прямо к Ване, и говорит: «Что такое у Вас вышло с Сиробом — Вы как-нибудь уладьте, а то он говорил, что в газетах напишет». Ваня возмутился, говорит: «Пусть пишет, мы на него в суд подадим, у нас свидетели». Тогда Стольб(ерг) увидел, что дело серьезное, и ретировался. Я написала Шмакову все, и вот теперь как Шмаков покажет? Понятно, он не может показать, что мы взяли, раз мы не брали, и зная меня. Но с Сиробом они коллеги, и ему вместе жить, а мы уедем. Кто знает, как он повернет? Щепанский же был и говорил, что он свид(етель), что мы не взяли. Дело-то не

в 1200 м<арках> и даже не в его плевках, а в том, что, если мы этого не опровергнем, он нас ошельмует так, что ни один покупатель не придет, и на выезде отразится. Он на то и рассчитывал — прижать нас так, чтобы мы отдали ему портр<ет> Волконского и прочие за 12 000 м<арок>! Т<о> е<сть> ограбить нас! Но мы так скоро не сдадимся!!!...

Приписки: <...> Вот каково!? Я думала, что только в Советской <России> может быть беззаконие, а здесь еще хуже, еще отвратительнее, когда под видом профессора снуют экспроприаторы.³

¹ Портрет князя Сергея Михайловича Волконского (1860—1937), директора Императорских театров, 1899. Был в собрании А. Горачека, Прага. Нынешнее местонахождение неизвестно.

² «Черноморская вольница», 1908. Позднее картина была переписана Репиным. Сейчас находится в частном собрании в Швеции.

³ 26 ноября 1928 г. В. Сироб писал из Выборга Вере Репиной: «Часто Вас и дорогого Профессора <Репина>, вспоминаю, вспоминаю: задушевность, искренность, детский смех, где ж теперь этой все искать? — Эгонзм, бездушие, посредственность, холодный карьеризм — вот атмосфера, где приходится вращаться. Минуты, проведенные у Вас, оставили неизгладимый след, это был солнечный луч в ненастный день» (НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 831, письмо на бланке Выборгского музыкального училища).

8

18 авг<уста> <19>31 г.

Дорогая моя Лидочка, получила твое длинное письмо от 12-го авг<уста>. Теперь наши письма все расходятся. Относительно покупки земли, может, ты и права, что через Земгор¹ лучше. Может, это у нас остатки впечатлений от советских организаций, что, дай Бог, подальше от них. Во всяком случае, и правда, лучше бы выбирать там, от тебя, а отсюда за глаза все равно купить страшно. Но мы все боимся наводнить у тебя лишние дни. Как ты думаешь, сколько бы дней вы могли бы выдержать наше нашествие? Жратву мы будем оплачивать сами и варить, конечно, я помогу, и в лавки сходим, но в смысле ночевок и галдежа ребячьего, хорошо, если гулять можно. Думаю, что, приехавши, сразу сговоримся, через кого устроить покупку, и тогда, верно, придется мне с Ваней съездить на выбранный участок, осмотреть и купить. Конечно, придется несколько взглянуть. Купивши, вернемся за Тасей с ребятами, а то одной не довезти такую ораву. Так вот, верно, дней 5—7 придется вас стеснять. Я знаю, что ты-то рада, но дом-то не раздать, и боюсь, что Льву Пл<атоновичу> мешать будем

шумом. Хотя наши дети пугливые, особенно в незнакомом доме, словом, не Всеволодки. Ну, там видно будет. Багаж наш, если отправим через контору (здешнюю), то придет в Париж недели через 2, так что за неделю до отъезда отправивши, как раз он и придет к нашему отъезду из Парижа, и, конечно, к тебе все не потащим. <...> Ну, даст Бог, устроимся же мы когда-нибудь сами собой. В Выборг ездил что-то Илюша и заходил к Шмак<ову>. Тот только что приехал с дачи, а почту без него хозяйка получала и оставляла. Но вообрази, он сказал, что Сироб — негодяй и мерзавец, что он с ним давно разругавшись и только шапошное знакомство. Но что дело и не думали бы мы поднимать, что у него кагал и он такой пройдоха, что все равно вылезет. А суды здесь такие, что на 5 лет затягивают. И вот подумай, так и придется подарить этому жулику! Мерзавец! Конечно, сами виноваты, и это нам урок. Говорил Шмак<ов>, что он хлопотал о нашем переезде торговым пароходом на Гавр (тогда всего 2000 марок). <...> А все-таки жалко, что не могли мы уехать отсюда раньше, хотя бы на 1/2 года. Жизнь здесь нам очень дорого стоила. Не в смысле денег, хотя и денег здесь много шло, но это ерунда, а, главное, силы духовные, энергию, эликсир жизненный здесь весь израсходовали. Оттуда, из СССР, мы вырвались, хотя и скелетами, но полными надежд и энергии, а здесь с булками и сахаром, но по горло в нравственных помоях мы, как-то душа захлопнулась. Какая-то духовная апатия ко всему явилась. Не радуется ничто. Может, выехавши из этого болота, пройдет этот сплин. Бог знает. Ну, ладно. Поделили, наконец, книги, и мы свои продали за 2000 финск<их> мар<ок>, но беллетристику не хотели покупать, и потому мы некот<орые> повезем с собой, напр<имер>, Гоголь, Толстой, «Царская охота» с автор<афом> Кутепова,² «Третьяковская галерея» (иллюстрации очень хорошие), еще «Рейнеке лис» дорогой и некот<орые> другие. Жалко бросить, а не покупают. Да! Тася купила в Териоках *самовар*! Он подержанный, но хороший и красивый,^г и часы тоже повезем стенные большие и еще мамонтовский шкафчик, а кроме <того>, подушки, белье и картины. Ковра у нас нет ни одного. Один был, мы продали, да он тяжеленный был, и нужны были деньги. Пиши скорей. Твоя Таня.

¹ Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей.

² Многотомные «исторические очерки» Н. И. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век» (СПб., 1896); «Царская

^г В тексте письма рисунок.

охота на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. XVII век» (СПб., 1898); «Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век» (СПб., 1902); «Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век» (СПб., 1911). В оформлении этого наиболее эффектного русского издания рубежа XIX—XX веков, предпринятого Экспедицией заготовления государственных бумаг и посвященного памяти Александра III, принимали участие А. Н. Бенуа, А. М. и В. М. Васнецовы, Е. Е. Лансере, К. В. Лебедев, Ф. А. Рубо, А. П. Рябушкин, Н. С. Самокиш, В. И. Суриков и др. Репину принадлежат несколько иллюстраций во 2—4 тт.

9

29 авг<уста> <19>31 г.

Дорогая, дорогая моя Лидочка, получила твое длинное письмо с советом доктора для Вани и с «отступлением». Так, стало быть, и в Париже, житейском коловороте, российская эмиграция ухитрилась-таки сохранить свою безотраднo мизерную физиономию. Ты пишешь, что, чтоб понять это, надо увидеть это. Но мы здесь уже навиделись этого добра. Я думала, что только здесь такое болото с «днями культуры» и «концертами», на которых судорога сводит от безотрадной узости и затхлости времен нашего детства. Также и школы здесь были поставлены, все точно по мановению волшебного жезла, как в «Спящей красавице» застыло на той самой точке, как они вселились. Нам (мне, Тасе и Ване) до того все это было дико, особенно сразу. После того, как мы ввалились сюда истерзанные, но с коробом надежд. Казалось, здесь, где человек свободен, где не заклеен ему рот, чего только натворить-то можно! Оказывается, какое там «творить», — все еще старую кашу дожевывают — аж тошно. Вот ты их не презираешь, но ведь ты «преподобная», а мне они все просто стошнительны. И как ни ужасно было в СССР, а иной раз с радостью вспоминаешь. Не потому что, «что прошло, то будет мило», а потому, что все же там жизнь, а здесь плесень. Да, уж если и у вас таково же общество, то вполне понимаю и Ир<ину>, и Марьяну.¹ Что же касается моды, то мы еще не видели. Т<о> е<сть> здесь также ходят пижамы, ярко-зеленые с узорами, но до того безвкусно сделаны, и несуразны сами носительницы их, что унеси ты мое горе... Сама я и Тася, мы не блещем наружностью, кроме того, условия жизни нашей были таковы, что об наружности вообще думать не приходилось, а потому у нас вошло уже в привычку иметь одежду для того, чтобы быть одетым, и

ничего больше; но любоваться на красивый костюм, и вообще красота, разумеется, наслаждение. Только я не переношу рабства в этом деле. Т<о> е<сть>, когда внешность и старания создать эту внешность убивают личность. Ну, ладно, все это при свидании. Ведь доплывем же мы к тебе когда-нибудь? <...> Был у нас, наконец, Шмаков, и Гавр, увы, ...улыбнулся. На Гавр торговые идут все очень маленькие и пассажиров могут брать не больше 2-х — 3-х, так что нашу семью не вместить. На Антверпен идут 3 пассажирск<их> парохода, и только один из них имеет три класса, он отплывает из Гельсинки 4-го сент<ября>, 21-го и 28-го. 4-го нам не успеют бумаги выслать, 21-го день осеннего равноденствия и потому, говорят, самые бури, а 28-го поздноато. Остальные два парохода отходят в промежутках, но на них помечен I класс, и мы не знаем — первый ли это кл<асс>, тогда очень дорого, или вообще один класс (туристский). Если стоимость II-го, то мы на одном из этих или же решимся 21-го. На днях это узнаем. Бумаги наши, мы рассчитывали, будут готовы к 15-му, это уже все — и визы, и багажные. У нас уже все уложено (надо было для списков).² Мы так и оставили, и только чемоданы, кот<орые> при себе, остались еще наготове. Так что мы можем в любой день вышибаться. Пока что шьем. Я себе юбку, Тася Роме штаны и т. д. Очень было бы хорошо, если бы ты даже и без нас купила бы машинку. <...> Спасибо тебе за беспокойство твое о ванином здоровье. На вид он кажется совсем здоровым и *крепким*, но у него скулы и все лицо широкое и потому так оказывает, а сам он моща, только *кость широкая*. Упадка такого больше у него не было. Мы с Тасей очень бы хотели, чтобы он показался, но он сердится и говорит: «Вот ерунда! Чтобы я да себе на доктора 200 фр<анков> отдал! Я совсем здоров!» Не знаю, чья возьмет. А может, у него силы сорваны? Ведь в Сов<етской> Р<оссии>-то ему приходилось по 150 пудов в день переворачивать на спине, да на каком столе, да все время начеку, как бы живым остаться. Может, ему теперь вовсе нельзя и работать-то!!! Так боюсь, так боюсь!!! Но, может, здешний доктор и правильно определил, — что все нервы. Ох, порасскажем вам, чего мы здесь-то наглотались... Хотя и без опасности за жизнь, но так погано, так погано... Одни Гай и Дий чего стоят! Да! А как же ты хочешь нас встречать? Но ведь, я думаю, там это невысказано? Толпища! И верно, много всяких выходов, и куда нас волна поперет, мы же ничего не знаем, разминемся! А сколько там носильщику давать? Хоть это совсем ерунда, но так представила себе картину приезда. <...>

Приписка на отдельном листе:

Наврала я про пароходы! Напутала: на Антверпен идут 3, и один -из них, кот(орый) имеет все три класса, пойдет 28-го сент(ября). Только 28-го! А 4-го и 21-го пойдут остальные два, у которых один класс и еще неизвестно, в какую цену? I-го или II-го кл(асса)? Вот как. Сегодня был один господин (эстонец) проездом, папин знакомый. Он изъездил всю Европу, память у него поразительная, жена во Франции, где они имеют виллу, и вот он в подробностях и так дельно и просто рассказал нам все о Франции и французах и об участках земли и пр., что вполне достаточно купить гектаров 6—7, т(ак) к(ак) покос там 3 раза. Что дома есть кирпичные, но такой кирпич, что, чем дольше стоит, тем суше становится. Что виноградн(иками) заниматься очень сложно, и нужен навык, а лучше всего скотоводств(о) — или коров, или свиней, или кроликов, или птиц. Что в каждом департаменте преобладает одно из этих дел. Мы бы хотели лучше всего свиней разводить: я их знаю, как выкармливать. Вот о покупке он, так же, как и Зеелер, сказал, что лучше всего через Земгор (Юренева). Много подробн(остей) рассказывал о жизни там. Очень интересно было. Ах, скорей бы ехать! Здесь по ночам уже так холодно, точно морозцем пахнет. Только 5° тепла.

¹ Как следует из других писем, речь идет о тревожившем женщин одиночестве дочерей Карсавиных.

² Имеется в виду опись имущества, предназначенная для таможи.

³ Семья Язевых-Дьяконовых отплыла из Хельсинки в Антверпен 25 сентября 1931 года и прибыла в Париж, очевидно, 30 сентября.

3 янв(аря) <19>32 г.

Дорогая Лидочка, спасибо тебе за Тасю, за всю помощь и за чудный рождественский крендель! С елочками и шоколадками. <...>

У нас только последние дни мороз отвалился и отопление Ваня наладил, а то мучились от холода пронизывающего. Ваня все время был занят отоплением дома. Замазывал дыры глиной, заколачивал двери в кладовку, да такие гнилые, что чуть заделал. <...> Завтра 4-ое, начало занятий, и наши пойдут трое. Дорога не так далека, красивая и воздух хороший, но... глина! Это что-то ужасное! У всех здесь ноги такие, что смотреть страшно. Нашим всем купили дере-

вяшки, но все равно все чулки вымазанные. Особенно сейчас — снег сошел, развезло. Из-за этой глины и идти никуда нельзя. Как-то пойдет учење у наших? Очень беспокоюсь я, от этого зависит все их дальнейшее. Как за дело возьмутся?.. В день приезда Таси мальчишки срезали в нашем лесу можжевельничек в метр ростом, зажгли свечки, вот и была елка, а под елку Тася купила им по мечте. Так что радости было много.

Ну вот. А я как-то не чувствую себя дома. Или, может, уж очень давно мы все жили не дома или не наладился еще уют. Очень мрачно в комнате, и стены грязные, как в самой скверной дворницкой. Мы купили известки, на днях побелим. Вообще многое, что надо поправлять. Двери входные такие страшные, кругом обгрызенные и такие грязные, что тошно за них браться. Ну и так многое что. Потом мы из экономии купили только матрасы (пруж(инные)), 2 стола и стулья, и нет ни единого шкапа, от этого некуда разложиться. На стены вешать нельзя, очень сырые и мажут. Может, 15-го найдем какой подержанный. Работы сейчас — обрезка виноградников. Но здесь есть один спец. Он всем и обрезывает. Конечно, берет поденную плату. От Леви-то денег нет! А необходимо коров купить. Я ему писала и Зеелеру также.

Как твоє здоровье? Очень ты задержавши была с нами. Всех вас целую крепко. Твоя Таня.

Приписки:

Переправленные тобой письма мы все получили.

Только назв(ание) наш(его) уч(астка) земли ты перевираешь. Надо: Coumbalets, а ты Coumbereets.

4 <января> ^д

Завтра отправлю это письмо. Сейчас припишу, как ребята были в школе (коммунальной). Утром отвели их Ваня с Тасей. Встали они в 6 час(ов). Ваня разогрел им какао, и при лампе пили три головенки, когда я проснулась. С собой дали им на обед бутылку молока и по два ломтя белого хлеба с маслом и с салом (здесь сало чудное кусковое, розовое, стоит 6½ фр(анков) кило!). Так было весь день тихо и пусто. К 4-м Тася пошла их встречать, чтобы расспросить учительницу, что и что нужно им купить, и вообще. Почти в 5 час(ов), когда уже снова горела лампа, пришли они. И все молоко и половину булки принесли нетронутыми. Все такие взволнованные, что и есть не могли дома-то! Все на-

^д В автографе — описка: дек(абря).

перебой рассказывали свои впечатления. В общем, все довольные, но... детей, кото(рые) не знали урока, учительница «шлепала по лицу», как они выразились. Мне теперь уж это дико, чтобы в классе так расправлялись! И потом большая перемена с 12-ти до 2-х, и все два часа дети одни. Учитель и уч(ительни)ца уходят к себе в комнаты — и отдыхайте, как хотите. Играли в хороводы, но, конечно, все сбивается на возню. И мальчики нападают на девочек, один так ногой дал, что девочка заплакала. Но наши-то в этом участия не принимали. Галя очень довольная, хотя сильно взволнованная, но говорит — «весело было!» Они все трое в младшее отделение к учит(ельни)це, а старшие отдельно с уч(ителе)м. Ну вот первый день. Тася говорила, что детей много богатых, хорошо одетых и на обед с собой — курочка и апельсины, и шоколад!! А нам столько необходимого надо покупать для хозяйства — *инструменты*, что боимся вовсе голодом сесть!

Приписки:

Варим раз горох, раз чечевицу. А яблочки теперь уже «ау»;

Сегодня на солнце было 20° тепла по R, и Тася выкатывала Ванечку спать на воздух.

11

16 янв(аря) <19>32 г.

As Coumbalets

C^{ne} de Madillan

par Laugnac (L. et G.)

Надо обязательно писать L. et G.

т(ак) к(ак) есть другой Laugnac.

Дорогая Лида, сегодня получила твое письмо с вопросом о «Nu». Я давно написала тебе ответ, но очень запоздала его отправить. М-те же Леви я послала свою просьбу тогда же, давно, но от нее еще не имею ответа, согласна ли она взять на себя эти хлопоты? И теперь пишу ей снова этот вопрос. Относительно копии с Веласкеса,¹ мне очень *дорога* эта вещь, и вообще я считаю ее очень ценной. Но конечно, имея кругом долги неоплатные, я бы решилась ее продать, но не дешевле, как за 15 000 фр(анков). Леви самому о «Nu» мы дали свое согласие телеграммой, и от него уже был ответ, что он выслал на имя жены для нас 2000 фр(анков), а остальные 5000 перешлет прямо сюда.² Но от нее мы ничего не получали. Сегодня получили письмо от Зеелера

о продаже в Париже. Пишет в мрачных красках и пишет также, что получил письмо от Веры из Стокгольма, она была на приеме у принца Евгения, и он был на вернисаже нашей выставки. Что продана одна ее вещь и одна маленькая наша. Какая и за сколько, не пишет. А сама падчерица и вовсе молчит! Я сегодня же ей написала. Деньги по чеку 800 фр(анков) мы вчера получили, помог Espagne. Вчера же закончили все с покупкой земли. Остальные 9000 фр(анков) мы должны выплатить через 5 лет не в банк, а самой хозяйке и ей же, пока не выплатим суммы, должны платить проценты 6 в год в два срока. Закончилось все мирно и согласно без недоразумений. Мы все поминаем старушку добрым словом: благодаря ей мы так удачно купили. <...> Сегодня Тася ходила к хозяйке расписаться в запродажных бумагах. Тогда приезжал сам нотариус с Espagne'm. Хозяйка подарила нам много луку и моркови и дала 2-х кур с тем, что, когда через год у нас будут свои, мы отдадим ей 2-х. Вообще пока что все к нам относятся очень добро и радушно. Соседка принесла половину громадной тыквы и даже немец из ch[^]ateau, у кот(орого) мы покупаем молоко детям по 1 фр(анку) за литр, подарил свинячьих косточек. Да! Были мы у Салярдов (я с Ваней), не так далеко — ³/₄ часа ходу, но с горы на гору. Встретила нас на пороге сама Салярдиха, ну и жох баба! Весьма неприятная во всех отношениях, полная противоположность ему. Дом у них, пожалуй, вдвое больше нашего и светлый, оклеен обоями, в спальне линолеум, мебель новенькая и посуды полные сервизы, но... так неуютно, так голо... грязь, неряшество. Сама она в такой оборванке, как я в Советской ходила. В кухне грязь по всем столам и плита не горит, а сейчас придут обедать! А сама пихнула громадную головню, — где ж тут гореть! Он пришел с работ, взялся за печку. Оба нервничают друг на друга, крысятся, — неважно. У нас куда лучше. <...>

О школьном ученье. Что сказать? Спасибо, что учат, да еще даром. Но если рассуждать об этом, то, конечно, система битья в *школе* достойна порицания. Наши дома привыкли к шлепкам. Но то *дома*, они видят, что если мать их ударила, у самой у нее сердце кровью обливается, она же и пожалеет его, и никто не насмеется над тем, что ему «дали». Но в школе чужие все — и учит(ельн)ца, и дети. Там это делается не от надрыва, а с целью унижения и оскорбления, это *гадко* и недостойно школы. Я помню, у Лизы в городской школе в Питере какие были оболтусы! Из каких подонок! Дети прачек (*прежних* прачек), фабричных, дома углы, пьяные, развратные, и вот этаких деточек учить! И Лиза со всеми справлялась, никогда пальцем не

тронула! И дети потом обожали школу и уважали. Вот это педагогия. Да и в Здравн(еве) Ваня, бывало, каких непроходимых стоеросовых учил, и тоже умел подчинить слову и авторитету. Впрочем, ты-то это на себе испытала. Наши, я говорю, уж как привыкли дома к шлепаку, но в школе, когда увидели, их поразило! И даже какое-то недоумение и *неловкость за уч(ительни)цу!* Что она шлепала по лицу тех, кот(орые) не знали урока! Ну, что ж поделать? В чужой монастырь со своим уставом не суйся. Может, Бог даст, их и минует пощечина от чужого человека.

На дворе все теплеет, и маргаритки распустились на лужайке около дома. А вечером сунешься из дверей, звезды такие яркие — хорошо все же здесь и, слава Богу, не город. Ваня все рубит дрова, очищает ручей. Какие ужасные здесь паразиты, вьющиеся по стволам деревьев, как удавы, обхватывают ствол дубка и впиваются в него корнями. Ваня их ссекает, и так отрадно видеть, как деревце освобождается от тисков. Ты пишешь относительно назревания вопроса переезда в Ковно. Но, по-моему, в Париже без *мошны* денег жить — тошно. И тебе, и барышням. Вообще, мне кажется, что в Ковно всем вам будет куда лучше. Только разве вот Марьяше уже не расстаться с П. П.?³ Да, пожалуй, давно надо было вам уехать из Парижа. Он растлевающе действует на молодежь и изнуряюще на старость. Впрочем, у тебя на это иной взгляд. Ну, не спорю. <...>

Целую вас всех. Также и Тася с Ваней шлют поклон всем.

Твоя Таня.

Приписка:

Что же ты не пишешь, сколько мы должны за ремонт, газ, воду и пр.??

¹ Имеется в виду копия, выполненная Репиным с картины Веласкеса «Менипп» (ок. 1639—1640, Мадрид, Прадо) во время пребывания в Испании в 1883 г. В акте о разделе наследства значится как «Копия с Веласкеса (Старик)» (см.: Новое о Репине. С. 346). В настоящее время — в частном собрании в Чехии (см.: Русская живопись в собраниях Чехословакии. С. 117).

² 23 января 1932 г. датирована надпись Леви на оборотной стороне «Обнаженной женщины с бульдогом», удостоверяющая подлинность картины. См.: Русская живопись в музеях Чехословакии. С. 125.

³ П. П. — Сувчинский Петр Петрович (1892—1985), музыковед, критик, издатель; друг С. С. Прокофьева, И. Ф. Стравинского. Его теоретические воззрения оказали влияние на французский театральный и музыкальный авангард (А. Арто, П. Булез). Один из основоположников евразийства. Муж Марианны Львовны Карсавиной.

27 февр<ая> <19>32 г.
 As Coumbalets
 C^{ne} de Madaillan
 par Laugnac L. et G.

Дорогая Лидочка, прости, что я даже не ответила на твое письмо и так долго ничего не писала. У нас все дети лежали с гриппом, а под конец и я свалилась (<...>). Надоели холода! Мы нажариваем нашу плиту и чугунок, но за ночь быстро остывает. Артишоки все вымерзли. Соседи говорят, что лет 15 не было таких морозов. И как они терпят, прямо непостижимо с этими каминами!! Ежятся, старики залезают в самый камин и там сидят, но в трубу такая тяга! Ах, как жалко было Валяшеньку, когда он болел! Скелетик, одни глаза... и, главное, то холод, то жара от чугунок, и от глиняного пола пыль такая! В стенах сырость! Просто отчаяние брало. И сами-то мы усталые, силы сорваны и нервы истрепаны, очень тяжело было. Сейчас ничего, пока что обошлось. Но доктор велел беречь его и быть осторожными теперь после плеврита.¹ Коров мы купили, наконец, хорошие, молодые, сильные и обе скоро телятся, но за 6500 фр<анков>! А за 5000 уже дрянь, или совсем старые, на один год, или совсем молодежки, слабые и неумелые для работ. (<...>)

Вера продала в Стокгольме «Магдалину»,² кот<орая> была неразделена, с тем чтоб после продажи общую сумму разделить на 3 равные части. И вот, подумай, ни она, ни Линдблум так и не написали мне, за сколько продана «Магд<алина>». Прислали чек на 1000 крон, и на мои многократные вопросы, за сколько же продали «Магд<алину>», они так и не ответили! Дело в том, что еще в прошлом году Вера, продавши общих картин, недодала мне и Юре денег 5000 и сказала, что эти деньги пойдут на устройство выставки в Стокгольме. Но, разумеется, она их истратила на тряпки, а теперь, продав «Магдалину», очевидно, из общей суммы покрыла все расходы по выставке, а остальное разделила и вот прислала 1000 кр<он>. Это мое предположение, на деле же прямо до смешного — ее письма и письма Линдблум, как они вертят словами, а на прямой вопрос так и не ответили! У Линдблум продались мои две маленькие вещицы, а та — Бродского, так и осталась.³ У нас с этой болезнью, конечно, опять денег хлынуло. Тут же не думаешь об экономии, когда надо спасать. Все доктора, и питание усиленное, понятно, дорого стоит так, что мы вот до сих пор Зеелеру долг не отдали! Хотя еще не срок и, конечно, мог

бы и он сам хоть что-нибудь продать бы! Все же легче было бы отдать. Но он замолк... А может, в обиде за «Ню», что он не продал. Но что же делать? Теперь задумываться не приходится, лишь бы был покупатель. Леви хотел продать еще и «Море» за 5000 фр<анков>, но сорвалось, а продал маленького Керенского⁴ за 1600 фр<анков>. Нам надо много затратить на весенние семена, картошку 20 пудов! Овес, кукуруза и пр. Живность пока что только 4 курицы, из них одна села выводить, но такой холод, что, думаю, навряд ли выйдет что, верно, заморыши. Коровы забавные! Они как волы, даже не похожи на коров, и когда им оденут ярмо, т<о> е<сть> свяжут их парой под одним хомутом, то стоит только тронуть тоненькой палочкой спереди это ярмо, как они тотчас пойдут за тобой без всякого повода, как за магнитом, просто невероятно. В понед<ельник> Кира с Галей пойдут в школу. Галя за это время всю свою школьную книжку чуть не наизусть выучила. А Валяша и больной, все таблицу распекает. Присмотрелись мы к соседям, ничего, все хорошие попали, но, понятно, крестьяне, и дальше франка мышление их не идет. Но так очень милые, и все с подарками приходят, кто тыквы, кто колбас из своей свиньи, кто чернослива и т. д. Были раз и двое русских, как весело было свободно поболтать. Они купили у <1 нрзб.> его участок 1½ гект<ара>, тот, что он нам предлагал за 7000, а им продал за 8000! Один из них Кубанской области, видно, из солдат, а другой сын полковника, окончил Одесский корпус, а теперь вот складчиной купили эту землю, хотят птиц разводить. Салярдиху встретила в Ажене, разряженная, но птица невысокого полета, затрещина-баба. Завтра они хотели приехать к нам. <...> А я варю и жарю преимуществ<енно> картошку и макароны, бывает треска. Ну а Вале яичница, шоколад, яблоки, печенье и т. д. <...> Пиши, как у вас. Твоя Таня.

Приписки: <...> Да! Линдблум писала, что Ник<олай> Шмаков женился! Вот молодчина, не унывает! Ваня все расчищает ручей, и дров много надо сейчас.

¹ Валентин умер от менингита 2 августа 1932 г., в день и час своих крестин. См. письмо Т. И. Репиной-Язевой В. Ф. Зеелеру от 19 августа 1932 г. (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8).

² Речь идет о картине, известной под названием «Утро Воскресения» (1922, Швеция, частное собрание).

³ В Акте о разделе имущества И. Е. Репина в числе отошедших Т. И. Репиной-Язевой произведений других художников значится «Аллея» И. И. Бродского без указания материала и техники (НБА РАХ, ф. 25, оп. I, № 349, л. 5).

⁴ В списке работ И. Е. Репина, приложенном Т. И. Репиной-Язевой к письму В. Ф. Зеелеру от 3 марта 1932 г. эта картина обозначена как «Море (Последний момент гибели черноморской вольницы)». Современное местонахождение неизвестно. См.: Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8.

11 мая <19>32 г.
As Coumbalets
C^{ne} de Madaillan
par Laugnac L. et G.

Дорогая, милая Лида, как твое здоровье сейчас? И собралась ли ты, наконец, к доктору? Брось все и сходи к доктору *непрерменно*. Я очень беспокоюсь за твое здоровье. На молчание твое я, конечно, и не думаю обижаться, но изредка хоть открытку присылай, как здоровье. Все мы жертвы большевиков. У нас (меня, Таси и Вани) тоже нервы стали никуда гожи, да и дети заметно издерганы. А с расшатанной нервной системой и силы уже не те... Помню, когда мы в Здравневе еще были, было там срочное собрание главарей и всю ночь решали, как изъять индивидуальников? Сразу ли покончить с ними или измором взять. В результате и так, и сяк берут. Где не видно да не слышно, голодом и расстрелом уничтожают, а подальше кто, тех измором берут. Все эти безденежья, кризисы, работы непосильные и безработицы и сокращения... Все это измор.

Пасху мы католическую не праздновали по скудости карманной и думали на русскую купим в Ажене торт *настоящий*, но, увы... и на русскую карман наш остался все тот же, и мы только купили 3 дюжины яиц по 3 фр<анка>, покрасили в линючих тряпочках и купили кило мяса и зажарили. Я даже вымылась! В лоханке, довольно трагически. <...> Все время у нас лили дожди, холод и ветер! Так что до сих пор картошка ни у кого еще не посажена. Говорят, только один старик, кот<орому> 70 лет, помнит, что *1 раз* был такой год! Главное, здесь по сырой земле нельзя работать! А все — день выдастся, солнце, подсохнет сразу, а ночью снова дождь, и опять вся земля вздуется, как опара. Кое-что у нас посажено — морковка, бураки, капуста, салат, редис, томаты, дыни, но из-за холода все малюсенькое, не растет. Сегодня первый день за все время простоял без ветра и дождя! И солнце было жгучее. Я после обеда, когда убралась, одела соломенную шляпу сомбреро (!), и

так отрадно было печься! У меня, верно, все застужено и оттого болит все тело. Пошла полоть морковку; Тася полола и Ромочка мне помогал. Он, было, окреп здесь, когда было теплее, такой румяный был и шустрый, а за это время прямо стоял и ничего не болит у него, а худеет и худеет, и мне просто беспокойно глядеть на него, совсем рожица стала, как после большой болезни. Старшие тоже тощие все, но ничего, ходят в школу, понемногу привыкают. Мальчикам трудно в гурту привыкнуть сосредоточиваться, ребята простецкие, шумливые. А Галя нигде раньше-то не была, лучшего не видала, так сразу и наладилась. Главное, она сразу очень обрадовалась, что она тоже в школе и ей отдельная книжка, и с такой любовью и интересом учит все, а ту книжку, котор(ую) кончила, дома почти наизусть выучила. На дожди купили мы два макинтоша, а Галя с гордостью ходит под твоим зонтиком и дома все его щеткой чистит и любит. <...> Фруктовые деревья все отцвели, а фиги не цветут вовсе, а прямо на голых прутьях — фиги! Маленькие, как бородавочки, и постепенно увеличиваются, очень странно. На лугах масса цветов всяких — и наших, русских, куриная слепота и ромашка, и местные — маки красные, нарциссы! Совершенно, как садовые, крупные, с сильным запахом, и даже двойняшки и тройняшки есть! На одном стебле. Народился у нас бычок, ему уже месяц и молоко он все дочиста выпивает, и еще с мукой даем. А другая корова еше не скоро, осенью или зимой. Цыплята от первой наседки 8 штук уже совсем большие и спят на насесте, и мама их давно бросила и несется. Вторая вывела 12 штук, они еще пуховые и спят в комнате под колпаком из сетки,^e и третью посадили, заквохтала. Их Тася досматривает и кормит.

Продажи у Леви никакой. Писал, что в мае приедет в Париж и, может, к нам приедет. Зеелер продал одну маленькую за 600 фр(анков), и оставит эти деньги в счет долга. Ведь в июне срок платежа долга — 6000 фр(анков)! Я переписываюсь с ним. Они переехали на другую кварт(иру) по той же улице в другой дом, с дочкой и зятем вместе поселились, верно, туго с деньгами. О Бьюкенене¹ все нет никаких вестей. Вот если бы ты написала мне *адрес Там(ары) Плат(оновны)*.² Я бы написала ей просьбу узнать, не хотят ли купить рисунок с Бьюкенена его родственники? А Гарганов-то! Вызвал Зеелера, что хочет «Ангела смерти»³ обратно отдать в обмен на равноценную. Что у него обе дочки болели тяжело, и он не может психологически переносить эту картину. Я предложила ему «Море» с приплатой

^e В тексте письма — рисунок.

3000 фр(анков), но он, верно, не захочет приплачивать, а я дешевле не отдам теперь «Море». Вера так и скрыла, за сколько была продана «Магдалина». И так в письмах хитрит, что тошно читать, и я прямо больна делаюсь, потому что встают сразу все ее обманы и воровства! Юре я послала 50 фр(анков) к 16-му марта, Надиной годовщине, чтобы он купил цветов и отслужил панихиду. <...> Если бы не Гай и Дий, то Юра все *тот же*. Гай теперь в Праге, с картинами поехал учиться, но, конечно, учиться и не думает, все прокучивает. Илюша все столярничает. Ах, Лидочка! Если бы нам старым всем свидеться вместе, как бывало, свободно, без страхов и мук...

Целую крепко тебя, Иришу, Марьяшу и Сусю. Тася с Ваней кланяются. Твоя Таня.

¹ Бьюкенен Джордж Уильям (1854—1924) — посол Великобритании в России (1910—1918) и в Италии (1919—1921). Репин начал, но не завершил его портрет, увезенный Бьюкененом из России (см. недатированный черновик письма И. Е. Репина Бьюкенену в Рим: НБА РАХ, ф. 25, оп. 2, № 1). При разделе наследства Т. И. Репиной-Язевой достался упоминаемый в письме портрет английского посла (сангина, цветной карандаш, 1916).

Е. В. Саблин, глава Russian Refugees' Relief в Лондоне, сообщил 1 июля 1932 г. В. Ф. Зеелеру, что единственный член семьи Бьюкенена — дочь посла — не может приобрести портрет, так как состояние ее промотано мужем, офицером гвардии (Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8).

² Карсавина Тамара Платоновна (1885—1978) — сестра Л. П. Карсавина, балерина. Выступала в Мариинском театре и в труппе С. П. Дягилева. После его смерти (1929) переехала в Лондон. В 1930—55 гг. вице-президент Королевской академии танца.

³ Эскиз И. Е. Репина «Ангел смерти истребляет первенцев египетских» (1865), исполненный во время пребывания в Академии художеств, был продан в конце 1931 г. предпринимателю Л. С. Гарганову за 5000 франков (как обычно, 15 % комиссионных предназначались В. Ф. Зеелеру в счет уплаты долга семейства Язевых-Дьяконовых). В дальнейшем владелец изменил свое отношение к полотну и отказался продать его Зеелеру: «В будущем же, при создании музея имени И. Е. Репина, эта картина как его академическая работа, и за которую он получил сер(е)б(ряную) медаль, будет иметь особую ценность, что я и объяснил моим детям» (письмо Л. С. Гарганова В. Ф. Зеелеру от 5 марта 1940 г. — Библиотека редких книг и рукописей Колумбийского университета, Бахметевский архив, фонд В. Ф. Зеелера, коробка 8). Сейчас эскиз находится в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств в Санкт-Петербурге.